

Иногда украсть чье-то сердце может быть смертельно опасно!

ЭТИ
ЛЖИВЫЕ
КАЯТВЫ

ЛЕКСИ РАЙАН

18+

ДЛЯ ВСЕХ ПОКЛОННИКОВ ХОЛЛИ БЛЭК И САРЫ МААС!

Young Adult. Наследница фейри

Лекси Райан

ЭТИ ЛЖИВЫЕ КЛЯТВЫ

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Райан Л.

Эти лживые клятвы / Л. Райан — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Наследница фейри)

ISBN 978-5-04-159003-1

Бри ненавидит фейри и поклялась никогда не связывать свою жизнь с миром магии, пусть это и означало голодать на улице. Но когда ее сестру продают в рабство королю Неблагого двора, она отрекается от своих обещаний. Притворившись кандидаткой в невесты принца Ронана, девушка попадает в мир фейри и соглашается выкрасть три реликвии Благого двора в обмен на свободу сестры. Среди всех фейри принц Ронан единственный, кто добр к ней. Бри понимает, что влюбляется в него, но не готова позволить своим чувствам встать у нее на пути. Девушка отправляется на поиски реликвий, чтобы совершить кражу и вернуться в мир людей. Но оказавшись втянутой в интриги двух опасных дворов, она обязана решить, кому отдать свою верность. И сердце.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-159003-1

© Райан Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лекси Райан

ЭТИ ЛЖИВЫЕ КЛЯТВЫ

Lexi Ryan
THESE HOLLOW VOWS

Copyright © 2021 by Ever After, LLC

© Лидман М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается Брайану.
Они все для тебя.*

Глава 1

Прохладные тени мягко касаются моей покрытой потом кожи, накрывают меня, скрывают во мраке. Я могла бы насладиться темнотой – могла бы лежать на земле, любоваться звездами, позволить ночному воздуху расслабить напряженные тяжелым трудом мышцы, – но я не буду тратить время на отдых или мимолетные удовольствия.

Ночь – время шпионов и воров.

Мое время.

Я вставляю в замок две шпильки. Касаюсь их обветренными пальцами, как скрипач касается струн скрипки. Эту песню я репетировала тысячу раз, этот гимн я играла в самые отчаянные моменты своей жизни. Лучше возносить молитвы ловким пальцам, теням и маскировке, чем старым богам.

Лучше воровать, чем голодать.

Вдалеке квакают лягушки, и благодаря их песне щелчок замка почти не слышен. Я удовлетворенно киваю, и дверь для слуг в особняке Крейтона Горста распахивается настежь.

Самого Горста сегодня здесь нет, у него какие-то дела. Я проверила это, прежде чем идти сюда. Но я все равно осматриваюсь в поисках любого признака того, что он в доме – или присутствия кого-то из его слуг. У большинства богачей есть охрана, но некоторые – такие как Горст – подозрительны настолько, что не доверяют даже своему ближайшему окружению. Этой возможности я ждала несколько месяцев.

Я иду к каменной лестнице и спускаюсь в подвал. С каждым шагом температура опускается все ниже, но моя кожа покраснела от выброса адреналина и от подъема по забору, и я даже рада скользющему по коже холоду.

Когда я добираюсь до подножия лестницы, на мое появление реагирует светящийся камень. Он зажигается, освещая комнату тусклым светом. Я вывожу его из строя, вставив нож в мягкий центр, и комната погружается в такую тьму, что я едва могу различить собственную руку.

Хорошо.

В темноте передвигаться намного удобнее.

Ощупывая руками стены, я добираюсь до холодной стальной двери хранилища и ощупываю ее кончиками пальцев. Три замка, не особо сложных. Они уступают под натиском моего клинка и булавок. Проходит меньше пяти минут, я открываю дверь и чувствую, как по мышцам разливаются волны облегчения. В этом месяце мы сможем внести оплату. Мадам Вивиас не сможет снова наложить на нас санкции.

Но торжествующая улыбка исчезает с моего лица, как только я замечаю выгравированные на пороге символы. Как же быстро угасает опьяняющее осознание успеха.

Хранилище Горста защищено рунами.

Ну конечно.

Богатый человек, подверженный паранойе настолько, что решился даже отказаться от охраны, очень быстро стал бы бедным, если бы не использовал для сохранности своих богатств магию.

Сегодняшняя миссия опасна. Об этом нельзя забывать ни на одно мгновение. Я краду только у тех, у кого есть больше, чем им нужно. Но с богатством приходит власть – и возможность казнить воров. Таких как я, если меня поймают.

Я обхожу знаки и достаю из сумки звездного червя. Его шелковистая влажная кожа скользит у меня между пальцами, но я направляю его к своему запястью и морщусь, когда он смыкает челюсти. Он медленно высасывает кровь из моей вены и начинает светиться. Я очень не люблю, когда на смену темноте приходит свет, но мне нужно изучить защитные руны. Опу-

стившись на корточки, я внимательно осматриваю каждую линию и изгиб, подтверждая форму и предназначение надписей.

О, это очень умная магия.

Эти руны не помешают мне войти в хранилище. Они впустят меня, а потом заперут, и я буду сидеть взаперти, пока хозяин хранилища не решит, что со мной делать. Обычный вор, который знает только защитные руны, прошел бы в хранилище и подумал, что это какая-то ошибка, что защитные руны не работают. Обычный вор оказался бы заперт в хранилище.

Но я – не обычный вор.

Я пытаюсь вспомнить подходящее контрзаклинание. Я не маг. Хотелось бы мне, наверное, быть магом. Жаль, что моя судьба сложилась иначе и приходится целыми днями натирать полы и убирать за своими избалованными двоюродными сестрами. На обучение у меня нет ни времени, ни денег, поэтому я никогда не смогу пользоваться магией, творить заклинания, варить зелья и проводить ритуалы. Но мне повезло: у меня есть друг, который научил меня всему, что умеет. Когда я заберу из этого хранилища все, что мне нужно, я смогу отсюда выбраться.

Я вытаскиваю из-за пояса нож, закусываю щеку и провожу лезвием по ладони возле звездного червя. Руку пронзает острой болью, голова начинает кружиться, и я на какое-то время теряю способность мыслить. Я не могу удержать равновесие – и слишком долго не могу взять себя в руки. Тело умоляет дать ему передышку, побыть еще немного в беспомощности.

«Дыши, Абриелла. Ты должна дышать. Нельзя обменивать кислород на отвагу».

При воспоминании о матери и ее голосе я втягиваю носом воздух. Да что со мной сегодня? Обычно я не так чувствительна к крови и боли. Но сегодня я работала весь день, без перерыва, устала и хочу есть. У меня обезвоживание.

У меня мало времени.

Я погружаю палец в струящуюся по ладони кровь, осторожно рисую руны контрзаклинания поверх выгравированных на камнях защитных рун, вытираю окровавленную ладонь о штаны, внимательно изучаю свою работу и поднимаюсь на ноги.

Сразу же, не давая себе передышки, переступаю через порог хранилища и быстро творю знаки в каждом направлении. Это нужно, чтобы убедиться, что мои руны работают. Потом я освещаю помещение светом звездного червя – и у меня перехватывает дыхание.

Хранилище Крейтона Горста размером больше моей спальни. Вдоль стен выстроились полки с мешочками с раконами, драгоценностями и сверкающим оружием. Мне безумно хочется забрать отсюда столько, сколько я смогу унести. Но я не буду этого делать. Если я позволю отчаянию взять надо мной верх, он поймет, что здесь кто-то был. Конечно, наверное, он и так это узнает. Может быть, я недооцениваю этого пьяницу и его способность считать богатства, которые он накопил, торгуя удовольствием и плотью. Но, если мне повезет, он даже не узнает, что кто-то смог преодолеть его защиту.

Конечно, я знала, что у Горста много денег, но чтобы столько... Проституция и алкоголь приносят людям богатство, но такое? Я осматриваю полки и инстинктивно протягиваю руку, когда замечаю единственное этому объяснение. Стопка пожизненных контрактов. Я занесу над ней руку, но тут же отдергиваю ее, почувствовав исходящий от них магический жар.

Хотелось бы мне быть могущественной волшебницей. Просто для того, чтобы понять, какая магия связывает этих людей с такими злодеями, как Горст, собрать свою мощь и освободить столько девушек, сколько смогу, прежде чем меня поймут и казнят. Но жизнь сложилась так, как сложилась.

Я прекрасно понимаю, что у меня не хватит знаний, чтобы отменить магию этих документов. Я могу только оставить все как есть. Но все мое существо кричит, что я должна хотя бы попытаться.

Ты не можешь их спасти.

Я заставляю себя отступить. Выбираю полку, на которой мешочков с деньгами столько, что пропажа одного из них вполне могла бы остаться незамеченной, осматриваю ее в поисках рун. Их нет. Может быть, Горсту стоит заплатить мне, чтобы я научила его надежно защищать богатства... Беру один мешочек и проверяю его содержимое – раконов здесь более чем достаточно для внесения оплаты. Может, еще и на следующий месяц хватит.

Он так богат. Заметит ли, если я возьму еще?

Я осматриваюсь и осторожно вытягиваю из забитой сокровищами полки еще два мешочка. Конечно, я знала, что Горст просто отвратителен, но такие богатства жителям Фейрскейпа доступны только в том случае, если они связываются с фейри. Когда я осознала этот факт, у каждого из этих магических контрактов появился совершенно другой смысл. Мало того что Горст может заставить подписавших их людей выполнять свои приказы. Мало того что они до конца жизни будут выплачивать ему неизмеримый долг. Но, если Горст связался с фейри, он отправляет людей в другой мир. А там их ждет только участь рабов.

Или еще что похуже.

Контракты разложены по трем стопкам. Нельзя рисковать и прикасаться к ним, но я заставляю себя осмотреть каждую стопку. Когда-нибудь я выкуплю свою свободу, и тогда, как только моя сестра не будет от меня зависеть, я вернусь сюда. Когда-нибудь я найду способ их освободить.

Мой взгляд зацепился за ближайшую к двери стопку и имя на верхнем договоре. Я перечитываю имя и дату полной выплаты долга. Один раз. Два. Три. И с каждым разом моя грудь сжимается все сильнее. Я не верю в старых богов, но, увидев имя на договоре, начинаю молиться. Детские каракули. Дата – завтрашний день, – поверх которой размазана кровь маленькой девочки.

Наверху слышится стук тяжелых мужских сапог и мужской голос. Отсюда я не могу слышать, что говорят, но этого и не нужно. Я знаю, что пора бежать.

Моя сумка тяжелая из-за добычи, и, выбегая из хранилища, я прижимаю ее к бедру, чтобы меня не выдал звон монет. Я снимаю звездного червя с запястья, втягивая воздух, когда он борется со мной, пытаюсь выпить больше крови.

– Терпение, – шепчу я, отправляя его на пол. Пиявка ползет к порогу, слизывая мою кровь своим крошечным языком.

Сверху снова раздались шаги. Потом – смех и звон бокалов. Он не один, и, если мне повезет, наверху все будут слишком пьяны и не заметят, что я выскользнула из хранилища.

– Скорее, скорее, – шепчу я звездному червю. Мне нужно закрыть хранилище, но, если я оставлю там свою кровь, Горст может узнать, что здесь кто-то был. И, что еще хуже, – отнести кровь магу и с его помощью найти меня.

Голоса становятся ближе, потом на лестнице раздаются шаги.

У меня нет выбора. Я прерываю кровавое пиршество звездного червя и засовываю его в сумку.

Прежде чем закрыть хранилище, я выплескиваю на камни воду из фляги.

– Я принесу еще одну бутылку, – кричит Горст с верхней ступеньки лестницы.

Я слишком хорошо знаю этот голос. Раньше я убиралась в его борделе. Мыла там полы и драила туалеты. Пока месяц назад он не попытался заставить меня работать на него – но совсем по-другому.

Последние девять лет я живу по двум правилам: не ворую у тех, кто дает мне честно зарабатывать, и не работаю на тех, кто ворует у меня. В тот вечер у меня появилось еще одно: я не работаю на тех, кто шантажом пытается заставить меня заниматься проституцией.

Я слышу шорканье его сапог. С каждой секундой он приближается ко мне, но я продолжаю двигаться плавно и ровно.

С лязгом задвигаю один замок.

Слышу шаги.

Второй.

Шаги становятся все ближе.

Третий...

– Какого черта?

...тоже с лязгом встает на место.

– Эти светящиеся камни ни на что не годны, – ворчит он с самой нижней ступени.

Я задерживаю дыхание и прижимаюсь к стене, стараясь скрыться в тени.

– Ты идешь? – зовут сверху. Женщина хихикает. – Мы нашли другую бутылку, Крейтон.

Давай!

– Иду.

Когда он, спотыкаясь, поднимается обратно, я считаю его шаги и медленно продвигаюсь по направлению к лестнице. Он пьян. Возможно, сегодня удача на моей стороне.

Я внимательно прислушиваюсь к его шагам, пока в комнатах для слуг наверху не становится тихо и все звуки не начинают доноситься из передней части поместья. Открывать хранилище еще раз, чтобы убрать остатки моей крови, нельзя. Только не сегодня. Это слишком большой риск.

Я бесшумно поднимаюсь по лестнице, возвращаясь тем же путем, которым пришла.

Я не замечаю, как напряжены мои мышцы, пока не выбираюсь на улицу. Оказавшись в ночной прохладе, чувствую, как меня накрывает волна изнеможения. Я не останавливаюсь, но на этой неделе я выжимала из себя все, что можно, и больше не могу игнорировать нужды своего тела.

Мне нужно поспать. Нужно поесть. А утром, может быть, даже посмотреть, как Себастьян тренируется во дворе за домом мадам Вивиас. Может быть, это будет даже лучше сна или еды.

От этой мысли я чувствую всплеск энергии, как от выброса адреналина. Мне нужно сделать то, что должно. Тени выводят меня из поместья – я иду по извилистой тропинке, пролегающей между кустов и деревьев, уклоняющейся от лунного света, как будто это игра.

Главные ворота распахнуты настежь, и хотя мои усталые мышцы умоляют воспользоваться этим легким выходом, я не могу рисковать. Я вытаскиваю из сумки веревку и перебрасываю ее через ограду территории поместья Горста. Волокна впиваются в потрескавшуюся кожу, и каждый рывок вверх отдается в руках болью.

Я прыгиваю с другой стороны и мягко приземляюсь на колени. Сестра говорит, что я похожа на кошку, потому что всегда, когда прыгивала с деревьев и крыш, на мне не было ни единой царапины. Но мне больше нравится думать, что я похожа на тень. На тени никто не обращает внимания, и они приносят больше пользы, чем считают большинство людей.

До дома идти десять минут. Я почти хромаю под тяжестью своей добычи. Как просто было бы отдать мадам Вивиас то, что ей причитается, лечь в постель и проспать двенадцать часов кряду.

Но после того, что увидела в хранилище, в той стопке контрактов, – я не могу.

Я отворачиваюсь от дома и иду по переулку мимо магазина одежды, где работает моя сестра Джас. Свернув за таверну Горста и зайдя за переполненный мусорный бак, я проскальзываю в городское «семейное жильё». Какая ирония. В четырехэтажном здании расположены двенадцать двухкомнатных квартир, на каждом этаже есть общая ванная и кухня. Это убежище, и лучше многих, но меня передергивает от отвращения, когда я вспоминаю, как сильно от него отличается огромное поместье Горста.

Дверь моей подруги Ник приоткрыта. Из комнаты слышны рыдания. Через щель я вижу, как ее дочь Фаун сидит, свернувшись калачиком, у стены, и как дрожат ее плечи. У Фаун такая же темная кожа и волосы, как у ее мамы. Однажды Ник сказала мне, что после рождения дочери ее жизнь изменилась – что с того момента больше всего она хочет быть лучшей матерью,

даже если ради этого ей нужно будет перейти границы, от пересечения которых она хотела бы оградить свою дочь.

Я толкаю дверь и захожу в комнату. Фаун вздрагивает.

– Тише, дорогая. Это я, – шепчу я, опускаясь на корточки. – Где твоя мама?

Девочка поднимает голову. По ее щекам стекают слезы. Она начинает рыдать с удвоенной силой и раскачивается из стороны в сторону. Ее всю трясет, как будто она пытается удержаться в порывах невидимой бури.

– У меня нет времени, – говорит Фаун.

Я не спрашиваю, о чем она говорит. Я уже знаю. Я слышу шум шагов и оборачиваюсь. За моей спиной стоит Ник. Ее руки скрещены на груди, на лице застыло выражение ужаса.

– Она сделала это, чтобы спасти меня, – ее голос звучит хрипло, как будто она плакала и только усилием воли заставляет себя говорить спокойно. – Пошла к Горсту, чтобы купить мне лекарства у целителя.

– Ты умирала, – говорит Фаун, сердито вытирая слезы. Она смотрит на меня. – У меня не было выбора.

– Был. Ты могла сказать мне. Я бы не дала тебе подписать этот контракт.

Я сжимаю руку подруги. Все дело в отчаянии. Это оно стирает из списка доступных вариантов решения проблемы правильный выбор. Ник знает это не хуже других.

– Я пойду вместо тебя, Фаун. Поняла? – говорит Ник. По выражению лица подруги я понимаю, что она настроена весьма решительно – и это разбивает мне сердце.

– А что будет со мной? – спрашивает Фаун.

Хотелось бы мне, чтобы она не понимала, что ее ждет. Возможно, когда мать займет ее место, ее судьба сложится даже хуже. В Фейрскейпе ни у кого нет желания кормить еще один голодный рот, а те немногие, кто может позволить себе заниматься благотворительностью, заботятся только о размере своего состояния.

– Ты возьмешь ее, Бри? – спрашивает Ник. – Ты знаешь, я бы не стала просить об этом, если бы у меня был выбор. Позаботься о ней.

Я качаю головой. Я хочу это сделать, но, если мадам Вивиас узнает, что Фаун живет с нами в подвале, последствия будут ужасными – и не только для нас с Джас. Для Фаун – тоже.

– Ник, я не могу...

– Ты ведь знаешь, мне больше не к кому обратиться, – говорит Ник, но в ее словах нет злости. Только смирение.

– Сколько она должна?

Ник вздрагивает и отводит взгляд.

– Слишком много.

– Сколько. Она. Должна?

– Восемь тысяч раконов.

Услышав сумму, я вздрагиваю. Это два месячных платежа мадам Вивиас, даже с учетом ее «санкций». Я не знаю, сколько унесла из сейфа Горста, но вполне вероятно, денег в моей сумке хватит, чтобы покрыть весь этот долг.

Девочка обращает на меня взгляд огромных глаз, за которые и получила свое имя. В них читается мольба: спаси меня. Если я не сделаю этого, все будет кончено не только для Ник, но и, возможно, для Фаун. В лучшем случае она окажется служанкой какой-нибудь богатой аристократки. А в худшем? О худшем я не могу даже думать.

Ник желает дочери добра. Хочет, чтобы она была лучше ее, желает ей лучшей доли. Если я не заплачу мадам Ви, моя жизнь почти не изменится. Наш долг слишком велик, наши жизни давно уже связаны с ведьмой, в сетях которой мы увязли, когда умер дядя Девлин. Нас с Джас содержимое этой сумки не спасет. Но оно может спасти Фаун и Ник.

Я достаю из сумки два мешочка.

Глаза Ник расширяются.

– Где ты это взяла?

– Это не важно. Бери.

Широко открыв глаза и рот, Ник заглядывает в мешочки и качает головой.

– Бри, нет.

– Да.

Подруга смотрит на меня, и по ее глазам я вижу, как отчаяние борется со страхом за меня. Наконец она прижимает меня к себе и говорит.

– Когда-нибудь я верну тебе этот долг. Я найду способ. Клянусь.

– Ты ничего мне не должна, – я вырываюсь из ее объятий. Я очень хочу домой. Хочу умыться. Очень хочу спать. – Если бы на вашем месте были мы с Джас, ты бы поступила точно так же.

Ее глаза наполняются слезами. Я смотрю, как одна из них стекает по ее щеке, как размазывается ее макияж. Но когда она замечает мою окровавленную руку, на смену благодарности в ее взгляде приходит беспокойство.

– Что случилось?

Я сжимаю руку в кулак, чтобы скрыть порез на ладони.

– Ничего. Просто порезалась.

– Просто порезалась? Ты можешь подхватить инфекцию. – Она кивает в сторону спальни. – Пойдем. Я могу помочь.

Я знаю, что она меня не отпустит, и следую за ней в крошечную спальню. В комнате стоит шаткий комод и кровать, которую она делит с дочерью. Я сажусь на край постели и смотрю, как она закрывает за собой дверь и достает лекарства.

Она опускается передо мной на корточки и наносит на порез мазь.

– Он появился, когда ты достала эти деньги, – не вопрос. Утверждение. И я даже не пытаюсь ей врать. – Ты в порядке?

Пока мазь впитывается в кожу, я стараюсь сидеть неподвижно. Срастаясь, плоть зудит.

– Да. Мне просто нужно немного поесть – и немного поспать.

Ник обращает на меня полный недоверия взгляд темных глаз.

– Поспать? Бри, ты так вымотана, что я не уверена, что тебе поможет что-то, кроме комы.

Я смеюсь – или пытаюсь смеяться. Больше всего это напоминает жалкое хныканье.

Как же я устала.

– Когда тебе вносить следующий платеж тете?

– Завтра, – при мысли об этом у меня появляется ком в горле. Мне семнадцать, но, если все будет продолжаться в том же духе, я буду должницей своей тетушки до конца жизни. Девять лет назад, когда мама нас бросила, а дядя Девлин умер, мы с сестрой подписали магический контракт, по условиям которого должны служить мадам Ви и каждый месяц платить ей ренту. Тогда это казалось разумным: все лучше полной неопределенности судьбы сирот. Но мы были маленькими девочками и не знали, что такое сложные проценты и каким коварным может быть водоворот санкций. Точно так же, как Фаун не до конца понимала условия контракта, который подписывала с Горстом.

– Из-за нас, – сказала Ник, протягивая руку за марлей, – тебе снова не хватит денег.

– Оно того стоит, – шепчу я.

Ник крепко зажмуривается.

– Этот проклятый мир уже ничего не спасет, – Ник понижает голос, несмотря на то что Фаун может услышать нас, только если будет подслушивать под дверь. – У меня есть друг, который может дать тебе работу.

Я хмурюсь.

– Какую? – Мне нужно столько денег, сколько не заработать ни на одной работе. – Если уж на то пошло, я вполне могу работать и на Крейтона Горста.

– Крейтон будет забирать половину твоего заработка, – Ник с грустной улыбкой берет меня за руку. – Я знаю фейри, которые готовы много заплатить за компанию красивого человека – и еще больше, если ты согласишься на заключение уз. Гораздо больше, чем может предложить Крейтон.

– Фейри?

Я качаю головой. Уж лучше связаться с похотливыми клиентами Крейтона. Раньше люди верили, что фейри – наши хранители. Раньше, до того как открылись порталы, они являлись нам в своих призрачных формах – в виде теней или похожих на живое существо фигурах, мелькнувших среди деревьев.

Мой народ называл их ангелами. Мы поклонялись им и молились, чтобы ангелы оставались рядом с нами, защищали нас, присматривали за больными детьми. Но, когда небеса разверзлись, а ангелы наконец оказались здесь, они не стали нас защищать.

Потому что фейри – не ангелы. Они демоны. Они пришли, чтобы эксплуатировать нас, воровать наших детей и использовать людей для размножения. Они обманом заставили тысячи людей отдать свои жизни на битвах в их войнах. Мы смогли защитить от них порталы, только когда собралась Магическая семерка Элоры, семь самых могущественных магов этого мира. Теперь фейри могут отнять человеческую жизнь только в том случае, если она была куплена в честной сделке или отдана по собственной воле. Но они умны, и они придумали много способов обойти эту магическую защиту. На практике она работает только для тех, у кого есть богатство и власть.

«Это лучше, чем ничего, – говорят те, кто поддерживает Семерых. – Это начало».

Или еще хуже: «Если люди не хотят, чтобы их продали фейри, они не должны влезать в такие большие долги».

– С чего им платить, когда они могут просто очаровать женщину и заставить ее сделать все, что только пожелают? – спрашиваю я у Ник.

– Говори тише! – она вытягивает шею и проверяет, закрыта ли дверь. – Не все слухи о них – правда. И мой друг может...

– Это не обсуждается. Я найду другой способ.

Я точно знаю, что никогда не буду доверять фейри.

– Я волнуюсь за тебя, – говорит Ник. – В этом мире наша самостоятельность – это все, что у нас есть. Не позволяй загнать себя в угол. Не позволяй отчаянию влиять на твои решения.

Как позволила повлиять Фаун.

– Не позволю, – обещаю я, но мне кажется, что я просто зря сотрясаю воздух. Я уже знаю, что это ложь. Я работаю не покладая рук и воруя столько, сколько могу унести, но денег все равно не хватает.

Даже если бы я была согласна продать свое тело – а я не согласна, – я не хочу иметь ничего общего с фейри. И мне плевать, сколько они за него предлагают. В жизни есть вещи важнее денег. И даже важнее свободы. Например, две маленькие девочки, которых не нужно было бросать ради побега с любовником-фейри.

* * *

– Я тебя слышу, – говорит мадам Вивияс, как только моя рука касается дверной ручки.

Я крепко зажмуриваюсь. Надо было войти через подвальную дверь. Время уже перевалило за полночь, и у меня нет сил ни на одно ее поручение. Я опускаю голову, поворачиваюсь к ней и делаю небольшой реверанс.

– Здравствуйте, тетя Ви.

– Здравствуй, – говорит она, положив руку на бедро. – Завтра полнолуние.

– Да, мэм.

– Ты принесла мои деньги?

Я не отрываю взгляда от ее пальцев. На каждом из них сверкает кольцо, и каждое из этих колец могло бы покрыть оплату за этот месяц. Я не поднимаю головы. Она не увидит в моих глазах страха. Я не предоставлю ей такого удовольствия.

– Принесу завтра, мэм.

Она молчит так долго, что я осмеливаюсь поднять на нее глаза. Она касается шеи, поправляя толстые цепочки с драгоценными камнями, и хмуро смотрит на меня.

– Если ты не принесла их сегодня, как же ты выступишь их завтра?

Плохо дело.

Но, пока официально не станет слишком поздно, я этого не признаю. Каждый раз, когда нам не хватает денег, срок нашего контракта продлевается, а оплата становится выше. Это порочный круг, вырваться из которого мы не можем.

– Я заплачу завтра, мэм.

– Абриелла! – доносится с лестницы пронзительный крик, и мне приходится подавить дрожь, вызванную голосом моей кухни Кассии. – Постирай мои платья!

– В твоей комнате есть чистые платья, – отвечаю я. – Я погладила их утром.

– Они не подходят. Мне нечего надеть на завтрашний ужин.

– Приберись у меня в комнате, – говорит ее сестра Стелла, потому что боги запрещают мне делать для одной избалованной кухни больше, чем для другой. – Когда она в последний раз там убиралась, она почти ничего не сделала и комната уже кажется грязной.

Мадам Ви поднимает бровь и поворачивается ко мне.

– Ты слышала их. За работу.

Мой сон откладывается еще на несколько часов. Я расправляю плечи и поворачиваюсь к комнатам моих двоюродных сестер.

Глава 2

Как только я переступаю порог нашей общей спальни, ко мне бросается Джас.

– Бри! Ты дома!

На самом деле это и не спальня вовсе, а всего лишь кладовая, в которую поставили кровать. Когда мадам Ви только переселила нас в эту комнатку с голыми стенами из шлакоблоков, у меня началась клаустрофобия. Но сейчас мы переделали это пространство по своему вкусу. Джас вручную вышила гобелен, и мы повесили его над кроватью, а комод украшают наши безделушки: камни странных форм и блестящие лоскутки ткани, которые имеют ценность только для нас.

Я крепко обнимаю сестру и вдыхаю ее свежий льняной запах. Пусть она всего на три года младше меня, но в каком-то смысле для меня она навсегда останется малышкой, которую я закрыла своим телом, спасая от охватившего наш дом пожара.

Джас отстраняется и ухмыляется мне. Ее карие глаза блестят, на губах ухмылка, гладкие каштановые волосы собраны в узел на макушке. Моя сестра – полная моя противоположность. Она воплощение мягкой красоты и жизнерадостного характера. Я же вся – острые углы и упрямство, а волосы у меня цвета пылающего огня – как ярость, которая горит в моей груди.

– Я тебя слышала, – говорит она. – Я бы помогла тебе, но я шила новые платья для Стеллы и Кассии, – она кивает в сторону висящих на вешалке нарядов.

– Что не так в восьмидесяти платьях, которые у них уже есть?

– Они не подходят! – сестра насмешливо передразнивает фальцет наших двоюродных сестер.

Я думала, что мне уже не хватит сил, чтобы смеяться – но я смеюсь. Каковы бы ни были потери моего дня, какие бы на нас не наложили новые санкции из-за пропуска завтрашнего платежа, я рада, что я дома. Дома – с Джас, которая как-то необычно бодр для такого позднего часа.

Я прищуриваюсь.

– Что тебя так взволновало?

– А ты не слышала? – она совершенно не может сдержать эмоций, по улыбке на ее лице становится ясно, что у нее есть какие-то радостные новости.

Я работала весь день. И ни с кем не разговаривала – не считая краткого визита к Ник и Фаун. Люди, на которых я работаю, считают, что слуги должны вести себя тише воды ниже травы.

– Что слышала?

Она чуть ли не подпрыгивает от возбуждения.

– Через сутки королева Арья откроет ворота Двора Солнца. Люди смогут безопасно пройти в Фейри и присутствовать на празднике в ее замке.

– Что? С чего бы?

– Она хочет найти среди людей невесту своему сыну.

Я фыркаю от отвращения.

– Ну конечно.

У фейри есть много достоинств, но плодовитость не входит в их число. Без потомства их роды пресекаются – особенно учитывая, сколько бессмертных погибло в Великой войне фейри.

И скатертью дорожка.

– Ты правда об этом не слышала? Девочки на работе только об этом и говорили. Бал фейри. Нас завалили заказами на новые платья.

– Тебе придется напомнить мне, чтобы я держалась подальше от порталов.

Она хихикает над моим цинизмом.

– Бри! Это же Благой двор! Двор добрых фейри! Фейри света и радости.

– Я бы не была так уверена, – огрызаюсь я. – Вряд ли они такие добрые.

Ее улыбка угасает.

Вот я идиотка.

Меньше всего сейчас я хочу ссориться.

– Прости. Я просто устала.

Слишком устала.

– Ты только взгляни на свои руки, – она проводит большим пальцем по моим потрескавшимся костяшкам пальцев там, где кожа облезла от чистящих средств. – Ты и правда хочешь всю жизнь проторчать в этом подвале?

– Те, кто пойдет на этот праздник, самоубийцы, Джас. Ты не хуже меня знаешь, что добрых фейри не бывает. Есть только те, кто менее зол и жесток.

– Значит, не так уж сильно они отличаются от людей, – она отпускает мои руки. – Я слышала твой разговор с мадам Ви. Я знаю, что скоро еще одна выплата, и несмотря на то, что ты держишь меня в неведении...

– Я не хочу, чтобы ты волновалась.

На самом деле я хочу только защитить мою сестру и сохранить ее радость и оптимистичное отношение к жизни. Она любит меня, даже когда я веду себя как мерзкая ворчунья. Я ее не заслуживаю.

– Я знаю условия контракта не хуже тебя, – говорит она. – И она добавляет все новые санкции. Мы никогда от нее не сбежим – разве что произойдет какое-нибудь чудо.

– И ты рассчитываешь, что этим чудом станут благодетельные фейри? Тогда уж лучше засесть в подполье и попытаться счастья в азартных играх.

Она поворачивается к вешалке в углу и разглаживает ткань на глубоком вырезе лавандового платья.

– У меня на работе есть одна девушка... подруга ее кузины влюбилась в золотого лорда фейри. Она возвращается и навещает свою семью. Она счастлива.

– Ты никогда не замечала, что в таких рассказах речь всегда идет о друзьях друзей? – в этот раз я стараюсь говорить не язвительно. – Никто из тех, кто рассказывает эти истории, не знает человека, которому якобы повезло встретить добрых фейри лично.

Она отворачивается от платья и хмуро смотрит на меня.

– Добрых фейри больше, чем злых. Про людей можно сказать то же самое.

Я ставлю под сомнение истинность обоих этих утверждений.

– Предположим, это правда. Но бал? Ну, то есть бал с платьями и все такое? Черт с ними, с фейри, получается, что нужно будет попытаться произвести впечатление на какого-то высокомерного благородного принца? Можно просто подвесить меня за ногти на ногах?

Она закатывает глаза и садится на край кровати.

– Тебе туда идти необязательно. Но я хочу сходить.

Я узнаю упрямые нотки в ее голосе. Она действительно пойдет на этот бал, хочу я этого или нет. Я делаю крошечный шагок и опускаюсь на кровать рядом с ней. Падаю на спину и смотрю в потолок.

– Мне это не нравится.

– Я так и знал, что вы еще не спите.

Мы с Джас резко поворачиваемся. При виде широкой фигуры Себастьяна в дверном проеме я снова чувствую всплеск адреналина – того небольшого количества, что еще осталось в моей крови. Мое сердце начинает биться немного быстрее, кровь становится чуть горячее, живот сдавливает от тоски. Мы с Себастьяном просто друзья. Он никогда не увидит во мне нечто большее. Но сколько бы раз я ни пыталась убедить в этом свое сердце, оно отказывается меня слушать.

Он наклоняет голову и прислоняется к дверному проему, обводя нашу комнатку внимательным взглядом глаз цвета морской волны. Он был здесь уже сотни раз. Мадам Ви переселила нас сюда после смерти дяди Девлина. Она сказала, что так у нас будет больше уединения. Уже тогда мы понимали, что, переселив нас в холодную, темную и тесную комнатку без окон, с бетонными стенами, в которую помещались только двуспальная кровать и комод, она пыталась показать нам, где наше место.

Мы с Джас довольно невысокие, так что для нас низкий потолок не стал проблемой. Но вот Себастьян был выше шести футов, и он не раз бился головой. Правда, он все равно приходил к нам в гости. Он пробирался сюда в течение последних двух лет, с тех пор как стал учеником живущего по соседству мага Трифена. Именно он открывал дверь и приносил нам еду, когда наши кухни в порыве жестокости запирали нас в комнате.

– Еще не спим, – я зеваю, несмотря на заряд бодрости, который придало мне его появление, – но это ненадолго.

– Что тебе не нравится? – спросил он, подняв бровь. – О чем вы говорили, когда я вошел?

– Джас хочет стать невестой принца фейри, – говорю я, двигаясь, чтобы освободить ему место на кровати.

Щеки моей сестры стали пунцовыми.

– Ну, спасибо, Бри.

Себастьян садится между мной и Джас, вытягивает длинную ногу и пинком закрывает дверь. Потом – бормочет заклинание и щелкает пальцами, самодовольно ухмыляясь, когда засов с нашей стороны скользит на место.

Вот выпендрожник.

Мои двоюродные сестры не раз подшучивали надо мной из-за моей дружбы с Себастьяном. Когда они впервые застали его в нашей комнате, они шантажировали нас несколько месяцев. Но я знала, что они просто завидуют: Себастьян, скромный ученик мага, их даже не замечает. Нехватку денег и семейных связей Себастьян компенсирует хорошей внешностью – он высокий и широкоплечий, у него блестящие белые волосы, которые он собирает в низкий хвост на затылке, и глаза цвета бушующего моря. Красивее мужчины я в жизни не видела.

Объективно, разумеется.

Себастьян уезжает через два дня – у него начинается очередной этап ученичества – и он больше не будет приходить к нам по ночам. А я всегда с нетерпением ждала его визитов. Они скрашивают мою жизнь. Он и раньше уезжал учиться, но в этот раз его не будет несколько месяцев. И это жутко меня пугает.

– Я не хочу быть невестой принца фейри, – говорит Джас, возвращая мои мысли к обсуждаемой теме. Она качает головой. – Я просто... дело не в этом.

Я поднимаю бровь.

– Правда? Зачем еще тебе туда идти? – Она смотрит на свои руки, и неожиданно я все понимаю. От осознания у меня перехватывает дыхание. – Ты надеешься найти маму.

– Если истории, которые она нам рассказывала, правда и она любила благородного фейри, они будут на этом балу.

– И что будет потом, Джас? Думаешь, она увидит нас и вспомнит, что она – наша мать? Она нас бросила.

– Она знала, что среди фейри мы не будем в безопасности.

Я бросаю на нее тяжелый взгляд, и она поднимает руки.

– Ей пришлось сделать ужасный выбор, и я не говорю, что она поступила правильно. Я даже не говорю, что она не эгоистка. Просто она наша мать, и если бы она знала, как мы живем, о контракте с мадам Ви... – она качает головой. – Не знаю. Может, у нее нет денег. Может, у этого лорда, которого она, по ее словам, так сильно любила, нет денег и земель – и она ничем

не может нам помочь. Но, может быть... может быть, она живет, думая, что мы счастливы и о нас заботятся.

Мое сердце падает вниз.

Не знаю, как Джас еще умудряется сохранять надежду. После всего, что с нами случилось, она уже давно должна была испариться.

– Но, если ей и правда не все равно, почему она ни разу за девять лет не навестила нас?

Она сглатывает.

– Тогда мы надавим на ее чувство вины. И если ей плевать, она будет чувствовать себя обязанной помочь нам. Мы должны попытаться. Нам больше нельзя так жить, – на этот раз она берет меня за другую руку и хмуро смотрит на повязку. – Тебе больше нельзя так жить.

Мне хочется возразить, но я сдерживаюсь. Она права, нужно что-то менять. Но я не стану искать ответы у фейри.

Я поворачиваюсь к Себастьяну.

– Ты какой-то ужасно тихий.

Он встает и пытается начать ходить по пространству между кроватью и дверью, но здесь слишком тесно – меньше метра. Если бы не выражение тревоги на его лице, я бы рассмеялась.

– Это опасно.

Джас вскидывает руки.

– Многие девушки до смерти хотят стать невестой принца фейри. Там будут тысячи претенденток.

– До смерти – ключевое слово, – бормочу я.

Но она права. Кто-то будет смеяться над девушками, которые хотят пойти на этот бал, но как минимум вдвое больше людей наденут свои лучшие наряды и встанут в очередь в надежде стать принцессой фейри.

– Золотая королева очень сильна, – говорит Себастьян, положив руки на затылок. Он всегда делает так, когда о чем-то задумывается. – Она защитит людей во дворце своей магией. Но я не хочу, чтобы вы отправились к фейри искать свою мать. Там слишком много существ, которые при первой же возможности поймают вас, чтобы удовлетворить свои гнусные желания.

Я хихикаю, глядя в потолок, и поворачиваюсь на бок.

– Помнишь, как Кассия пробралась во дворец королевы на празднование солнцестояния, а гоблин украл ее волосы?

Джас смеется.

– О господи, она после этого в зеркало не могла на себя смотреть. А парики, которые Ви купила, пока отрастали ее волосы...

– Просто отвратительны, – я делаю вдох.

Я понимаю, что, обсуждая вот так своих двоюродных сестер, я выгляжу недалекой и язвительной, но мне плевать. С того самого момента, как мама отдала нас на попечение дяди Девлина, они делали нашу жизнь невыносимой. Они жестокие девушки, которые желают зла всем, кроме самих себя. Трудно не радоваться случайному несчастью такого человека.

– Я говорю о существах намного хуже гоблинов, – произносит Себастьян. Он знает, что гоблинов мы не боимся. Они – посланники между королевствами, единственные существа из обоих миров, которым позволено свободно перемещаться между ними. Мы привыкли к гоблинам. Даже у мадам Вивиас есть домовый гоблин. Он живет под лестницей второго этажа. Жадное существо, шантажом вытягивающее у людей их секреты и собирающее жуткую коллекцию человеческих волос.

– Знаю, – говорю я. Он прав. Там есть злые фейри, дикие звери и монстры, которых мы даже представить себе не можем. Вот почему наши королевства разделены – и, возможно, по этой же причине наша мать нас бросила.

– Если до вас доберутся фейри теней... – добавляет он, понизив голос.

– Если ты видишь в глазах серебро, не вздумай с фейри вступать в договор, – хором заканчиваем мы с Джас.

Потому что фейри теней так опасны, что люди слагают о них песни и поют их своим детям.

– Думаю, мы должны рискнуть, – говорит Джас. – Я понимаю, что это опасно. Но было бы еще опаснее, если бы я слепо верила в защиту королевы. Я буду начеку. И я найду маму.

– Ты действительно думаешь, что сможешь найти ее в такой толпе? – спрашиваю я.

– Нужно будет обыскать всего один замок, а не целое королевство, – она пожимает плечами. – И, Бри, даже если мы не найдем маму, только представь, какие там могут быть сокровища.

Многое из того, что мне известно о фейри, я знаю из сказок, которые мама рассказывала нам перед сном.

«Когда-то давным-давно золотая принцесса фейри влюбилась в короля теней. Но их королевства воевали сотни лет, а ее родители были заклятыми врагами короля и его королевства...»

Все остальное я знаю из легенд. Их знают все – обрывки правды и суеверия, которые люди передают из поколения в поколение. В одном из таких обрывков рассказывается о королеве Благого двора и ее драгоценностях.

– Ты совсем с ума сошла? Стража не даст тебе и близко подобраться к ее сокровищам, – говорит Себастьян, заметив, что мои губы скривились в усмешке.

– И никому не даст, – осторожно говорит Джас. Она внимательно смотрит на меня. – Я знаю только одного человека, который мог бы обыскать ее земли и остаться незамеченным.

Себастьян качает головой.

– Нет.

Я улыбаюсь.

– Но как здорово было бы попробовать.

Он смотрит на меня, а потом поднимает бровь, поворачивается к Джас и обращает на нее хмурый взгляд.

– Смотри, что ты наделала.

– Она права, – говорю я. – Я могу это сделать.

А если мысль о краже у благородной фейри вызывает у меня больший трепет, чем перспектива найти собственную мать, – что с того?

– Обе вы забываете об одном, – Себастьян сползает по стене на пол, упирается локтями в колени и переводит взгляд с меня на сестру.

– О чем? – раздраженно говорит Джас.

Он пристально смотрит мне в глаза, и я замечаю в его взгляде беспокойство.

Я тянусь к Джас и сжимаю ее руку.

– Он хочет сказать, что, возможно, мама уже мертва. И не вернулась к нам именно поэтому.

Джас пожимает плечами.

– Можно надеяться. Это единственная веская причина, по которой нам не стоит туда идти, – она говорит это так легко, что если бы я не знала свою сестру, то с легкостью бы ей поверила.

Я знаю Джас лучше, чем кто-либо другой. Она не надеется, что наша мать умерла. Нет, она скорее простит ее за то, что она бросила нас, когда мы росли, чем смирится с тем, что никогда больше ее не увидит.

Лично я ни на что не надеюсь. Никогда. Надежда вызывает привыкание, на нее начинаешь полагаться. В таком жестоком мире, как этот, я не хочу, чтобы кто-то понял, что мне нужна поддержка.

– Было бы неплохо узнать наверняка, – признаюсь я. – Но я все еще не уверена, что посещение фейри в наших интересах. Мы – люди. Даже мама, несмотря на все ее романтические представления о фейри, предупреждала, что их королевство полно опасностей.

Джас прикусывает губу, глаза бегают из стороны в сторону.

– Но, может быть...

– Сейчас я решить не могу.

Мне очень нужно поспать, и при этой мысли измождение накрывает меня, как тяжелое одеяло. Я зеваю, вытягиваю руки над головой, ложусь на бок и сворачиваюсь калачиком.

– Задуйте свечи. Или не задувайте. Мне все равно. Я сплю.

– Абриелла! Джасалин! – зовет Кассия с верхнего этажа. – У меня в комнате жук!

– Я его уберу, – говорит Джас, сжимая мою руку. – А ты спи.

– Спасибо, сестренка, – бормочу я, не открывая глаз. Я едва слышу, как она выходит из комнаты, как поднимается по ступенькам, а затем – как мягко задувают свечи.

– Спокойной ночи, Бри, – тихо говорит Себастьян.

– Спокойной ночи, – произношу я в полусне.

А потом чья-то рука касается моего лба, гладит меня по волосам, и я слышу шепот:

– Не ходи на бал.

Я улыбаюсь. Он переживает. Это так мило.

– Не волнуйся. Я не хочу иметь с этим местом ничего общего.

А потом он целует меня. Касается губами лба – и тут же исчезает.

Я открываю глаза и вижу, как силуэт Себастьяна удаляется в сторону двери в подвал.

А сон у меня как рукой сняло.

* * *

Каждый раз при звоне раконов у меня на душе скребут кошки. Ежемесячно в течение девяти лет мы с Джас отсчитывали деньги, чтобы отдать их мадам Вивиас. Иногда нам хватало. Иногда было больше, чем нужно, и тогда у нас была фора для платежа в следующем месяце. Но обычно – слишком часто – денег не хватало. И каждый раз, когда мы не могли достать нужную сумму, все последующие платежи увеличивались, а санкции становились все больше. В конце концов оказалось так, что, если бы я не воровала, мы не могли бы выплачивать долг.

– Сколько? – дрожащим голосом спрашивает Джас.

– Не хватает еще тысячи семисот.

Она вздрагивает. Понимает, что это значит, и мне так это не нравится. Я хочу спасти ее от этого. Может быть, мне нужно, чтобы она всегда верила в лучшее, потому что у меня этой веры нет. И мне больно видеть, как мир выбивает из нее эту веру.

– Мы должны отправиться к фейри, – тихо говорит она.

Я качаю головой.

– Себастьян прав. Это слишком опасно.

Она сглатывает.

– Для людей – да, – она отрывает взгляд от кучи раконов на нашей кровати и смотрит мне в глаза. – Но что, если мы пойдем как фейри? Можем купить у мага Трифена зелья, которые придают эльфийское очарование. Тогда мы будем выглядеть как благородные фейри. Разве это не будет дополнительной защитой?

Я провожу пальцами по монетам. Их звон – восхитительная пытка. Мы убиваемся, чтобы закрыть этот контракт, но дыра затягивает нас быстрее, чем мы можем из нее выбраться. Нужно что-то менять.

– Хорошо, – киваю я. – Давай попробуем.

На ее лице появляется такая широкая ухмылка, что я понимаю: я не смогла бы ей отказать. Я люблю свою сестру. Если, отправившись на поиски матери, она почувствует, что внесла свой вклад в обретение нашей свободы, мы это сделаем.

– Нам понадобятся платье, – говорит она. – Чтобы не выделяться! – добавляет она, и я корчу гримасу. Она вытаскивает из-под кровати рулон муслина и чуть ли не пищит от восторга. – Я всегда мечтала сшить для тебя платье!

– Не привыкай, – говорю я. Но все же не могу сдержать улыбки.

– Когда я закончу, принц Ронан глаз от тебя не сможет отвести – хочешь ты этого или нет. Я раздеваюсь до нижнего белья и позволяю ей завернуть меня в муслин, с помощью которого она делает эскизы новых платьев для наших двоюродных сестер. Когда она заканчивает подкалывать ткань, в дверь стучат.

Три раза. Пауза. Два раза.

Так в нашу дверь стучится Себастьян.

– Входи! – хором кричим мы с Джас. Она прекращает орудовать булавками у моей талии. Обе мы поворачиваемся к распахнутой двери. Когда Себастьян видит меня, его глаза расширяются, и он прикрывает лицо рукой.

– Простите... я... простите.

– Я одета, – меня забавляет то, как он покраснел. – Заходи же.

– И закрой за собой дверь, – тихо добавляет Джас. – Нам не нужно, чтобы сюда пришла мадам Ви.

Себастьян коротко кивает и входит в нашу комнату, закрывая за собой дверь, как мы и просили.

– Прекрасно выглядишь, – говорит он мне.

Себастьян произносит это сдвинуто, как будто не знает, как сделать комплимент. С чего бы? Вряд ли он видел меня в чем-то красивее тряпок и облегающих черных штанов, которые я люблю надевать на ночные прогулки.

– Спасибо.

Я рассматриваю приколотую на мне коричневую ткань.

Он просто добр ко мне. Я выгляжу не прекрасно. Просто... странно.

– погоди еще, вот найду я для него подходящую ткань. Что скажешь о тонком бархате самого темного изумрудного цвета? – улыбается мне Джас. – Ты будешь выглядеть сногшибательно.

Теперь моя очередь краснеть, и я опускаю голову, чтобы Себастьян этого не заметил.

Я не могу в это поверить, но мне действительно нравится платье. Джас знает, как я отношусь к платьям и отсутствию свободы движения. Поэтому низ платья она наметила в виде свободных брюк, которые будут выглядеть как юбка, когда я буду стоять. А верх – в виде облегающего лифа без рукавов, со слишком низким, на мой вкус, вырезом. Мои двоюродные сестры убили бы за это платье – ну или как минимум начали бы скулить и умолять, чтобы мы отдали его им.

– Куда собираетесь? – спрашивает Себастьян.

Джас снова начинает подгонять муслин на моих бедрах и вставляет в рот булавку. Так что говорить приходится мне.

При воспоминании о том, как сладко он поцеловал меня в лоб вчера ночью, я чувствую укол чувства вины. Вчера Себастьян просил не идти на этот бал.

– У нас нет выбора, Себастьян, – мягко говорю я. – Если есть хоть один шанс...

– Ты же не серьезно, – Себастьян переводит взгляд с меня на Джас, а потом снова смотрит на меня. – Ты же ненавидишь фейри. Как из этого может выйти что-то хорошее? Господи, ты же не собираешься обокрасть королеву? Сразу говорю: ты подпишешь себе смертный приговор.

– Я буду осторожна, – отвечаю я, и в его глазах, к моему огорчению, появляется разочарование. – Мы должны что-то сделать.

Он смотрит на меня, и я вижу, как на его челюстях играют желваки, а в глазах цвета морской волны плещется разочарование. Когда я понимаю, что он хочет сказать что-то еще, Себастьян поворачивается на каблуках и выбегает из нашей комнаты.

Я хочу броситься за ним, но Джас хватает меня за руку.

– Платье, – напоминает она.

– Помоги мне, – отчаянно пишу я. Я не знаю, что ему сказать. Я обещала Джас пойти на бал и не нарушу свое обещание, но Себастьян два года был моей опорой и поддержкой, и я не могу смириться с мыслью, что он на меня сердится.

Джас быстро вынимает нужные булавки, чтобы я могла выпутаться из тонкого хлопка. Я натягиваю брюки и майку, бегу вверх по лестнице и мчусь во двор, который мадам Ви делит с магом Трифеном.

Краем глаза замечаю белые волосы. Себастьян сидит на крыльце у входа во двор, затачивая кончик посоха.

Когда я вижу его, мой желудок всегда делает сальто – и не просто поворачивается, а крутится без остановки.

В отличие от моих двоюродных сестер, в подростковом возрасте меня слишком беспокоило выживание. О любви я даже не задумывалась. Но потом по соседству поселился Себастьян, и, как только я увидела его, какое-то... другое... чувство появилось у меня в животе. В моих легких. И расплзлось по коже.

Когда он впервые улыбнулся, мне показалось, что мое сердце готово выпрыгнуть из груди к нему в руки. Каким-то образом я преодолела свою неловкость, мы стали друзьями, и я видела его почти каждое утро. Мы не проводили много времени вместе – но проводили достаточно, чтобы он скрасил мою жизнь. Его улыбка помогла мне пережить много тяжелых дней.

Но сейчас он не улыбается.

Я усаживаюсь рядом с ним на крыльцо, подтягиваю колени к груди и обхватываю ноги руками. Долго сижу так. Он затачивает свой посох, а я смотрю, как он становится все острее. Мы молчим и слушаем, как во дворе щебечут птицы.

Я плохо разбираюсь в чувствах. Но хорошо выполняю свою работу и словам предпочитаю действие. Свои эмоции я показываю только при Джас. Остальные не стоят таких усилий.

– Прости меня, – наконец говорю я. Этого недостаточно и только поверхностно выражает то, что я хочу сказать – что у нас остается все меньше вариантов, что мне нравится, как он ценит нашу безопасность, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуться домой – хотя бы потому, что отчаянно хочу снова его увидеть.

Себастьян поднимает голову, и взгляд его глаз цвета морской волны, кажется, пронзает меня насквозь. Он изучает мое лицо.

– Ты хоть представляешь, насколько опасно людям находиться среди фейри?

– Конечно, но...

– Так не иди туда.

Мне безумно хочется к нему прикоснуться. Погладить его по щеке или положить руки на накачанные предплечья. Он и намека не давал, что мои чувства к нему взаимны, поэтому я никогда не позволяла себе поступить подобным образом. Я не хотела быть отвергнутой, не хотела подвергать себя такому риску. Я скрывала свои чувства ото всех – даже от Джас.

– Если наш долг станет еще хоть немного больше, мы уже никогда не сможем его выплатить. Даже сейчас для этого нужно...

Он крепко зажмуривается. Он не может нам помочь – и я знаю, что ему это очень не по душе. Раньше он давал нам деньги, но он всего лишь ученик. Он никак не сможет уменьшить наш долг.

Он открывает глаза и долго смотрит мне в лицо. Так долго, что мои щеки начинают пылать. Кожу покалывает, а дыхание становится прерывистым. Я жду, когда он коснется губами моих губ.

– Подожди еще немного, – наконец говорит он. – Просто подожди. Я смогу помочь. Когда-нибудь я расторгну твой контракт. Я освобожу тебя от нее.

Я знаю, он в это верит, но...

– Обещаю, с нами все будет в порядке, – говорю я. Ему нужно, чтобы я дала не это обещание, поэтому я встаю и вытираю ладони о штаны. Глупо было думать, что он меня поцелует, глупо было сосредотачиваться на этом, когда мы спорили о такой важной вещи. – Мне нужно собраться на работу.

Я вижу в его глазах то, чего никогда не замечала раньше. Отчаяние.

Я уйду, потому что это чувство слишком хорошо мне знакомо.

Я успела сделать три шага, а потом он говорит:

– А что, если он не такой, каким ты его представляешь?

Я останавливаюсь и оборачиваюсь, чтобы увидеть, как он встает.

– Что?

– Принц Ронан. Вдруг окажется... что он может тебе понравиться?

Я качаю головой.

– Баш, я не надеюсь стать принцессой фейри. Я не такая.

– Но что, если он окажется не таким, как ты думаешь... что, если он лучше, чем ты позволяешь себе думать?

Я скрещиваю руки.

– Ты боишься, что я влюблюсь в фейри?

Что забуду тебя? Обещаю, что этого не случится. Я не смогу.

– Абриелла...

– Что?

Он сглатывает ком в горле.

– Просто пообещай мне, что сделаешь все возможное, чтобы быть в безопасности. Если вы пойдете на бал, вы будете под защитой королевы, но, когда вы уйдете с ее земель, эта защита не будет действовать.

– Я знаю, как это работает, Себастьян. Обещаю.

Одним шагом он сокращает расстояние между нами. Он касается моей щеки двумя пальцами и заправляет выбившуюся прядь волос за ухо. Я наслаждаюсь прикосновением его покрытой мозолями кожи.

Воздух позади меня рассекает кудахчущий смех. Я оборачиваюсь и вижу Кассию. Она стоит во дворе, уперев руки в бока. Ее светлые волосы тщательно уложены в локоны и заколоты на макушке, а грудь почти вываливается из мятно-зеленого платья.

– Я думала, ты будешь рыдать, но у тебя и в мыслях нет ее оплакивать, да?

О чем она говорит?

Себастьян успокаивающе кладет руку мне на плечо, но я лишь качаю головой. Это очередной ревнивый вздор моей двоюродной сестры.

– Младшая сестренка больше не мешает, и теперь ты можешь заполучить красавчика-ученика. Вот как это работает?

Я закатываю глаза.

– О чем ты говоришь?

Она улыбается, ее голубые глаза блестят.

– А ты не знаешь? Ваш долг официально стал слишком большим. Маме это надоело. Баккен только что забрал Джасалин на рынок фейри, – она сжимает кулаки, а затем резко разжимает их. – Ее нет! Пуф! Исчезла!

Глава 3

Я врываюсь в кабинет мадам Вивиас и так сильно хлопаю дверью, что висящие на стенах картины начинают ходить ходуном.

– Где она?

Тетя даже не вздрагивает. Она откладывает ручку и поправляет собранные в идеальный пучок темные волосы. Я знаю, что они такие густые и блестящие потому, что она накладывает на них заклинания.

– Здравствуй, Абриелла. Поздравляю тебя. Ты свободна.

– Нет, – выдыхаю я.

Но на углу ее стола я вижу кучку пепла. То, что осталось от магического контракта после выполнения его условий.

– Почему?

– Мне нужно было как-то компенсировать свои убытки, – она скрещивает руки на груди и откидывается на спинку кресла. – Я могла сделать это еще несколько месяцев назад, но мне было интересно, получится ли у вас наверстать упущенное.

Мне кажется, что у меня из легких словно выбили воздух, а потом крепко обхватили в районе груди, чтобы я не могла сделать вдох. Я только сейчас осознаю, что до последнего надеялась, что Кассия лжет. Я... надеялась.

Мадам Ви машет рукой, как будто мы решаем какой-то рутинный вопрос – например, кто сегодня готовит ужин, – а не обсуждаем жизнь моей сестры.

– В Фейриленде с твоей сестрой все будет хорошо. Уверена, там она обворочит всех так же, как сделала это здесь.

– Вы продали ее в рабство. Ее заставят работать до седьмого пота или будут пытаться для развлечения... или... – я не могу договорить, не могу начать перечислять остальные ужасы, которые могут с ней случиться.

Я просто не могу в это поверить.

– О, не драматизируй. О лучшей судьбе она не могла и мечтать, учитывая яму, которую вы себе вырыли. Что бы она делала? Как ты, драила бы всю жизнь полы? Продала бы свое тело мужчинам, ищущим дешевые удовольствия?

– Вы должны были меня предупредить. Я бы...

– Что? Обокрала бы кого-нибудь, чтобы выплатить остаток вашего долга? – она поднимает бровь, и я понимаю, что ей известны все мои секреты. – Даже тебе бы это не удалось. Честно говоря, Абриелла, тебе повезло, что все эти годы я предпочитала смотреть на твои преступления сквозь пальцы. А я ведь могла тебя выдать.

– Но вы этого не сделали. Вы брали деньги, и вам было плевать, где я их достала. По условиям этого несправедливого контракта вы каждый месяц получали тысячи раконов. Но вы все равно ее продали, – я чувствую, как во мне поднимаются волны злости, а кровь закипает от рвущейся наружу ярости.

– Перестань. Это просто смешно. Ее напоят вином фейри, и все будет казаться ей сном.

Меня трясет от злости. Я хочу сорвать с нее ее драгоценности и стереть их в порошок голыми руками. Я хочу кричать, пока не проснусь и не окажется, что все это просто ужасный кошмар.

– Сегодня жертва Джасалин избавила тебя от твоего долга. Радуйся.

– Куда? – спрашиваю я. – Куда ее увезли? Я найду ее. Я обещаю все их богом забытое королевство, но верну сестру.

– Может быть, она влюбится в лорда фейри, – говорит мадам Ви, не обращая никакого внимания на мой вопрос. – Может быть, она будет жить долго и счастливо, как в тех историях, которые любила рассказывать твоя мать.

В каждом ее слове слышится отвращение. Я не хочу хоть в чем-то походить на мадам Вивиас, но это чувство мы разделяем – отвращение. Осуждение. Моя мать бросила нас, оставив на попечение своего брата, а сама сбежала к возлюбленному-фейри. И я ненавижу ее за это. И за то, что она обрекла нас на жизнь, которая в итоге привела к такому исходу.

– Надеюсь, что, если Джас погибнет, вы не будете знать ни минуты покоя, – шепчу я. – А если с ней что-то случится, я буду молиться, чтобы вас постигло горе вдвое хуже.

– Сейчас ты говоришь, как те, кто проклинает хороших людей.

– Хорошие люди не продают девушек фейри.

Она усмехнулась.

– Ты видела, в каком мире мы живем, Абриелла? Знаешь, от чего я спасла вас, когда позволила вам жить под этой крышей? Возможно, твоей сестре еще повезло. Возможно, ты должна жалеть, что не оказалась на ее месте, – она машет рукой в сторону двери. – А теперь – вон. Иди наслаждайся своей свободой. Но, если у тебя нет желания подписывать новый контракт на аренду, тебе стоит найти себе другое жилье. И лучше сделать это немедленно.

Я бы не осталась в этом доме, даже если бы она мне заплатила. Но я даже не пытаюсь отвечать. Я выхожу из ее кабинета, хлопаю дверью и бегу по лестнице в подвал.

Наша спальня выглядит как обычно. У стены стоит раскрытый швейный набор Джас. Должно быть, Баккен забрал ее, когда она работала. Муслиновые наброски моего платья сложены в ногах кровати, и я прижимаю ткань к груди, не обращая внимания на торчащие острые булавки.

Я заползаю на кровать, ложусь на бок и сворачиваюсь в калачик. Я слишком устала, чтобы плакать, слишком ошеломлена, но мои глаза горят.

Ее действительно забрали.

Я слышу, как щелкает замок, как скрипят петли двери, когда она открывается и закрывается. И мне даже не нужно поднимать голову, я и так знаю, кто пришел. Матрас проминается, когда Себастьян опускается на кровать и ложится на бок рядом со мной. Он берет меня за подбородок и приподнимает лицо, чтобы я посмотрела ему в глаза.

– Эй... – он вытирает мне слезы большим пальцем. – Значит, это правда?

Я не могу ответить – могу только смотреть в эти глаза, похожие на беспокойное море, на морщинку между его бровями, которая говорит о его беспокойстве и страхе красноречивее любых слов.

– Бри?

– Да, – я сглатываю, стараясь говорить ровно. – Мадам Ви продала ее.

Он закрывает глаза, жмурится и бормочет какое-то ругательство.

– Еще год, – шепчет он, сжимая челюсть. – Еще год, и я мог бы освободить вас сам.

– Ты тут ни при чем, Баш. Не вини себя в том, что сделала мадам Ви.

Он делает глубокий вдох и открывает глаза, заставляет меня убрать руку от муслина и зажимает ее между своими ладонями.

– Обещай, что не будешь ее искать. Даже представить не могу, что с тобой случится, если ты отправишься к фейри.

– А представь себе, что может случиться с Джас?

– Просто дай мне шанс. Позволь разобраться в этом.

Завтра Себастьян уедет, чтобы начать следующую часть своего ученичества. Я не знаю, что он может для нее сделать, но киваю. Я не откажусь от его помощи, даже несмотря на то, что не верю, что ему удастся ее спасти.

Он отпускает мою руку и оглядывает комнату, которую я делила со своей младшей сестрой последние девять лет.

– Куда ты пойдешь? – спрашивает он.

Вещей у меня не так уж и много. Я смогу собрать свои пожитки и уйти отсюда к закату.

– Моя подруга Ник у меня в долгу. Буду жить у нее.

Пока не придумаю, как вернуть Джас.

Ник будет очень не по себе из-за того, что сделала мадам Ви. Может быть, она даже будет винить в этом себя. Но я знаю, что если бы мы не пропустили сегодняшний платеж, то пропустили бы какой-нибудь другой. Деньги, которые я отдала Ник, не могли спасти Джас от бездушной ведьмы, в руках которой была ее жизнь.

– Мне жаль, – говорит он, глядя на мое лицо.

– Мне тоже.

– Я обещал магу Трифену помочь с его следующим клиентом. Ты не против, если я пойду? Я найду тебя позже.

Я киваю, и по моей щеке катится еще одна слеза. Себастьян смотрит, как она скользит по моей коже, а потом проводит по ней большим пальцем. Прикосновение такое нежное, что мне хочется обнять его, прижаться к нему, уткнуться лицом в его грудь и притвориться, что это просто сон.

Вместо этого я прощаюсь с ним. Я рада, что он уходит. Только так я смогу что-то придумать.

* * *

Домовой гoblin мадам Вивиас живет под лестницей рядом с кухней. Я тихонько стучу в дверь одной рукой, а другой – снимаю с волос резинку.

Гоблины любят коллекционировать человеческие волосы, зубы и ногти – по слухам, они собирают их так же, как королева Благословенного двора копит драгоценности. Надеюсь только, что то, что я все эти годы отказывалась отдавать им, только подстегивало его желание обладать ими.

Он распахивает дверь, когда мой кулак касается его двери во второй раз, – и из его комнаты доносится слабый запах гниющих фруктов. Баккен – типичный домовый гoblin. Он невысокий и пузатый, с тощими руками и ногами и тонкими губами, которые не скрывают его острых зубов. Когда он замечает мои волосы, его выпученные глаза жадно расширяются. Я редко распускаю их и никогда не делаю этого в присутствии гоблинов.

– Здравствуй, Огонек. Чем я могу тебе помочь?

Я игнорирую прозвище, которое гoblin дал мне при нашей первой встрече, еще в тот день, когда мы переехали к дяде Девлину. Баккен взял мою руку и злобно посмотрел на шрам на моем запястье – единственный ожог, который остался после пожара, в котором я должна была погибнуть. Тогда я была потрясена, что он знает и о пожаре, и о том, чем он мог для меня закончиться – а я тем временем не знала о нем ничего. Но тогда мне еще не было известно, что гоблины собирают истории, секреты и информацию. Владение информацией – их хлеб.

– Перенеси меня к моей сестре.

Он несколько раз моргает, словно пытаюсь осмыслить мою просьбу, а потом качает головой.

– Это так не работает.

– Кассия сказала, что именно ты отвел ее на рынок торговцев. Мне нужно, чтобы ты сказал, кто ее купил – и как ее спасти.

Сердце бешено колотится у меня в груди, но я стараюсь не оглядываться, чтобы проверить, в кабинете ли мадам Ви. Она бы не хотела, чтобы я с ним говорила, и, вероятно, заставила

бы меня заплатить за право побеседовать с ним – или отказала бы мне из злости. Так что, если я не поговорю с ним сейчас, другого шанса у меня может не быть.

– Пожалуйста, – добавляю я.

– За это нужно будет заплатить, – он облизывает губы острым языком и подается вперед.

Проверив, что в коридоре никого нет, он затаскивает меня в свою крошечную комнатку и закрывает за мной дверь. Когда дверь захлопывается, он проводит своим длинным острым ногтем по моим волосам от уха до плеч. Меня передергивает от отвращения, но я не позволяю себе отступить. Он издает радостный смешок.

– Какой восхитительный оттенок. Как будто в тот день твои волосы стали цвета огня.

– Перенеси меня к тому, кто купил Джасалин.

Он хмурится.

– Почему?

– Я хочу... я выкуплю ее.

Мне придется снова совершить набег на хранилища Горста, чтобы у меня был хотя бы небольшой шанс собрать нужную сумму. Может быть, в этот раз даже обчистить их. Но оно того стоит.

– Не все в мире решают деньги, смертная, – Баккен прищуривается и склоняет голову. – Я думал, ты будешь рада, что теперь тебе не нужно кормить еще один голодный рот. Но, кажется, ты... убита горем? Любопытно.

Я сжимаю кулаки. Гоблины славятся своей способностью перемещаться между мирами и собирать информацию. Но не состраданием.

– Где она?

– Забудь об этом, Огонек. Отправишься в Фейриленд – и участь твоя будет незавидна.

– Я хочу вернуть сестру. Скажи, куда ты ее отвел. Пожалуйста.

– Что я получу за эту информацию?

У меня на языке, словно кислый фрукт, вертятся слова «что угодно». Я хочу их произнести, но гоблины понимают все буквально. Я знаю, что лучше не предлагать больше, чем я могу дать.

– Прядь моих волос.

– Но я бы предпочел получить все твои волосы, – он протягивает руку, но опускает ее, прежде чем прикоснуться ко мне. – Из них бы вышел такой красивый шарф. Что же я сделаю, если у меня будет всего одна прядь?

– Что же ты сделаешь, если у тебя не будет ничего?

Он ухмыляется, но я вижу в его глазах отчаянный, жадный блеск.

– Большая прядь?

Я зажимаю волосы между пальцами и демонстрирую ему получившийся локон.

– Отсюда, – говорю я, указывая на место прямо у меня над глазами, – до конца.

У Джас волосы всегда были короткими. Они обрамляли ее лицо красивыми прядями. Мне всегда нравилось, как это подчеркивало ее глаза. Но я не посмею показать Баккену, что не буду сильно скучать по своей потере – иначе он потребует еще больше.

– Да, идет.

Прежде чем я успеваю сделать еще хоть вдох, он берет нож и одним движением срезает мои волосы. Я не смею дышать от скорости, с которой он это сделал.

– Говори.

– На торгах я привел ее к посланнику короля. Он сопровождал ее к нему. Мадам Вивиас не смогла отказаться от предложенной суммы.

К королю? Кровь застывает у меня в жилах, и я цепенею.

– К какому королю?

– Посланник забрал ее к его высочеству королю Мордеусу, – говорит он, – и отдал за жизнь твоей сестры весьма внушительную сумму.

Нет. Этого просто не может быть.

Просто выкупить или украсть мою сестру у фейри – одно, но забрать ее у Мордеуса, правителя Неблагого двора, самого короля теней? Смертные считают фейри Благого двора «добрыми», а королевство Неблагого двора – самым страшным местом для людей. Отправляться туда смертельно опасно. Их король известен своей любовью истязать самых разнообразных существ. Редко кому удается оттуда вернуться. А кому удается – тот возвращается в королевство людей лишь былой тенью человека, которому не посчастливилось там оказаться. Но с другой стороны, он король, у него бесчисленное количество рабов-людей. Возможно, он даже не заметит пропажу одного из них.

– Одна девушка-человек ничем не хуже другой. Почему король не купил одну из тех девушек, которые хотят попасть к фейри?

– Потому что он захотел купить Джасалин Кинкейд, сестру Огонька, дочь прекрасной смертной, которая...

– Я знаю, кто моя сестра, – огрызаюсь я. Это какой-то кошмар. В этом нет никакого смысла. – Зачем она ему нужна? Почему именно Джасалин?

– Кто я такой, чтобы задавать вопросы королю. Возможно, он хочет сделать ее своей королевой, – его вздох мог бы сойти за мечтательный, если бы выражение его лица не было таким... голодным. – А может, ему просто понравились ее красивые каштановые волосы.

– Если ему не нужны деньги, чего же он хочет? Какой вид оплаты я могу предложить?

Он постукивает длинным грязным ногтем по передним зубам.

– Больше всего король Мордеус хочет сохранить за собой трон.

Я качаю головой.

– Он же король. Зачем ему что-то сохранять?

– Говорят, он не король – не истинный король. Много лет назад Мордеус отнял трон у своего брата. И теперь он ждет, когда его племянник – принц Финниан, сын короля Оберона и законный наследник Трона Теней – вернется из изгнания и потребует вернуть ему корону. Его подданные тоже ждут. Кто-то поклялся в верности королю и будет бороться за то, чтобы он сохранил власть. Другие считают, что из-за обмана Мордеуса Неблагой двор гибнет и что он не восстановится, пока на престол не взойдет законный наследник с короной Оберона.

Обычно политические дразги фейри меня совершенно не волнуют, но я запоминаю эту информацию на случай, если она окажется полезной позже.

– Какое это имеет отношение к Джас?

Его губы растягиваются в улыбке, обнажая пожелтевшие острые зубы.

– Не стоит недооценивать короля Мордеуса. Он ничего не делает просто так. Каждое его решение связано с властью – его властью.

Я не могу в это поверить. Джасалин никогда не имела дел с фейри – по крайней мере, насколько мне известно. Какую власть получит король, если она будет его рабыней? Может ли это быть как-то связано с нашей матерью? Это совершенно бессмысленно. Если король по каким-то причинам выторговал ее для нашей матери – разве ей не нужны обе ее дочери, а не только младшая? И почему она вспомнила о нас спустя десять лет?

– Перенеси меня к сестре. Пожалуйста.

Баккен начинает нежно поглаживать прядь моих волос.

– Королевство Неблагого двора – опасное место для девушки-человека. Даже если эта девушка – Огонек. Тебе лучше забыть о сестре и наслаждаться вновь обретенной свободой.

– Это не обсуждается.

Он прячет мои волосы в карман.

– Я не могу перенести тебя туда, но если ты отдашь мне еще один локон, я скажу, как туда попасть.

Недолго думая, я предлагаю ему почти такой же локон с другой стороны головы.

Он с довольным блеском в глазах срезает его.

– В полночь, в честь празднования дня рождения принца Благого двора, откроется речной портал. Через него ты сможешь попасть в Благой двор и найти тайный портал, который перенесет тебя во Двор Луны. Он открывается только один раз в сутки, когда часы бьют полночь.

При этих словах я задумываюсь.

– Зачем королеве Благого двора портал в Неблагой двор? Я думала, они заклятые враги.

Баккен гладит новообетенную прядь волос и почти не обращает на меня внимания. Он отвечает рассеянно, как напевают мелодию, которую слышали тысячу раз.

– Когда-то золотая королева была всего лишь принцессой. Она любила Оберона, короля теней, и многим пожертвовала, чтобы получить возможность тайно с ним встречаться. Ее королевство веками воевало с Двором Луны, и ее родители никогда бы не позволили им видеться.

Я хмурюсь. Мама рассказывала нам эту сказку перед сном – сказку о золотой принцессе и короле теней.

– Я думала, что эта история – просто легенда. Это правда?

– А как, по-твоему, появляются легенды?

Внезапно я пожалела, что не помню больше маминих историй. Но прошло слишком много времени, и я на протяжении стольких лет вспоминала их с негодованием. Я качаю головой и сосредотачиваюсь на насущной проблеме.

– Где находится этот портал?

– В гардеробе, которым она пользовалась, когда была ребенком. Это огромный шкаф, на дверях которого изображены крылья. Она так и не смогла заставить себя его уничтожить.

Я с трудом сглатываю. Отправиться в Благой двор, найти секретный портал королевы, попасть в самое опасное место в мире фейри, найти мою сестру и спасти ее от властолюбивого короля.

Проще простого.

Баккен переводит взгляд на меня и хмурится. Он достает из кармана браслет из тонких серебряных нитей и протягивает его мне.

– Возьми. Никто, кроме тебя, не сможет увидеть его или почувствовать на твоём запястье.

Я слышала о браслетах гоблинов, но никогда прежде их не видела. Серебряные нити такие тонкие, что их почти не видно, но они блестят в свете свечей.

– Каждая нить воплощает историю фейри. Истории – это сила, Огонек. Если я понадобится, просто порви нить, и я появлюсь.

– Если я порву одну из них, – я осторожно перебираю нити, прежде чем посмотреть ему в глаза, – ты сможешь мне?

Он кивает.

– Да. Но я не смогу спасти тебя от смерти. Так что даже не утруждайся, если окажется, что тебя решил съесть на обед какой-нибудь дикий зверь. Но если тебе будет нужна информация или переместиться по королевству, я смогу помочь.

– Какова твоя цена?

Его ухмылка скорее коварна, чем утешительна.

– Всего лишь прядь волос. Или зуб, если тебе это больше по душе.

Моя рука дрожит, когда я беру браслет.

– А если я случайно порву одну из нитей?

– Гоблинские нити не рвутся случайно. Их можно порвать только специально.

Я надеваю браслет на руку, и он волшебным образом сжимается вокруг моего запястья.

– Спасибо, Баккен.

Я протягиваю руку к двери и выхожу в коридор.

– Огонек! – зовет меня Баккен. – Помни, король теней умен. Если это будет ему выгодно, он будет играть тобой вопреки твоей судьбе.

Играть мной вопреки моей судьбе? Что это значит?

Ох уж эти загадки фейри.

– Я не верю в судьбу, Баккен. И мне плевать на всех, кроме сестры.

– Да, и король это знает.

Глава 4

– Ты должна рассказать о своем плане Себастьяну, – говорит Ник, прислоняясь к стене дома мага Трифена.

– Поэтому ты привела меня сюда?

Я съехала от мадам Ви тем же утром и сразу отправилась к Ник. Она терпеливо выслушала мою паническую историю и непродуманный план, а потом настояла, чтобы я сходила с ней к магу Трифену за снотворным. Портал открывается только в полночь, рассуждала она, и от меня не будет никакого толку, если я не отдохну.

Солнце медленно приближается к линии горизонта, и мне кажется, что время одновременно идет слишком быстро и слишком медленно. Если бы это зависело от меня, я бы уже была в Фейриленде и искала сестру, но мне страшно, что, когда я окажусь там, мне не хватит ума или сил. Я так боюсь, что у меня не получится.

– Я привела тебя, чтобы ты купила снотворное зелье, – говорит она, похлопывая по сумочке, – но я считаю, что ты должна ему сказать. Может быть, он пойдет с тобой.

Я качаю головой.

– Он будет пытаться меня защитить и станет путаться под ногами. Да и к тому же завтра он уезжает, чтобы начать следующую часть своего ученичества. Я не стану портить ему жизнь.

Она хмурится и выпрямляется.

– Мне не нравится, что ты собралась туда в одиночку. И что ты вообще собралась это делать.

– А если бы на моем месте оказалась ты? Ты бы отправилась туда? Если бы это Фаун продали королю Неблагого двора?

Ее темные глаза блестят от слез, и она сглатывает.

– Не задумываясь.

– Тогда ты знаешь, что у меня нет выхода.

– Ты многое сделала, потому что у тебя не было выхода, – мягко говорит она. Она играет со своим темным кудрявым локоном и, кажется, обдумывает свои следующие слова: – Мне нужно задать тебе один вопрос.

– Спрашивай.

Она оглядывается, чтобы удостовериться, что в переулке никого нет, и, хотя мы одни, понижает голос:

– Те деньги, которые ты дала мне для выплаты по контракту Фаун... Ты украла их у Горста?

Мое сердце падает вниз. Откуда она знает?

– Я что, похожа на идиотку?

Она смотрит на меня и прищуривается.

– Бри.

Я потираю затылок. Кажется, все напряжение, которое я перенесла в течение последних суток, собралось в огромный узел у меня в голове.

– Может быть, тебе лучше не знать, где я их достала?

Поверить не могу, что это было только вчера. С тех пор столько всего произошло – весь мой мир перевернулся с ног на голову.

Она поджимает губы.

– Кто-то вломился в дом Горста, прошел мимо защитных рун и обчистил его хранилище. Он в бешенстве.

– Я представляю.

– Кто бы это ни был, там осталась его кровь, – шепчет она. – Его маг найдет вора, это только вопрос времени.

Черт.

Я была так поглощена всем остальным, что совсем забыла о крови.

– Горст – наименьшая из моих забот.

– Да? Что ж, тебе лучше надеяться, что магия действует медленно, иначе ты не сможешь войти в этот портал.

– Бри? – зовет Себастьян, приближаясь к нам по аллее со стороны двора.

– Поговорим позже, – грустно улыбается Ник. Она сжимает мою руку, а потом делает шаг назад. – А до тех пор будь осторожна.

– Спасибо, Ник.

Я глубоко вдыхаю и поворачиваюсь к Себастьяну. Когда я вижу его, мое сердце сжимается.

На нем белая рубашка и обтягивающие бедра темные кожаные штаны. На его белых волосах пляшут едва заметные золотистые солнечные блики.

– Мастер Трифен сказал, что ты меня ищешь.

Я сглатываю комок в горле. Я хочу рассказать ему о своем плане и предупредить, что, возможно, мы больше никогда не увидимся. Я не хочу его обманывать, но другой альтернативы просто не вижу.

– Я хотела попрощаться с тобой, пока ты не уехал.

Себастьян подходит ближе и берет мои руки в свои.

– Я бы не уехал, не попрощавшись.

– Я знаю, – я изучаю его лицо, стараясь запомнить каждую черточку.

В лучах заходящего солнца его глаза кажутся скорее голубыми, чем зелеными. Возможно, я никогда больше их не увижу.

Он достает из кармана цепочку с хрустальным кулоном.

– Я кое-что для тебя сделал.

– Баш...

Он протягивает тонкую цепочку из простого серебра. Но кристалл на ней безупречен.

– Это... самое красивое украшение, которое я когда-либо видела.

– Тогда оно тебе подходит, – в голосе Себастьяна слышится хрипотца, а от душераздирающей нежности, с какой он это произносит, у меня начинаются муки совести. – Это защитный амулет. Если я сам не смогу тебя защитить... – Он вздрагивает, как будто эта мысль причиняет ему физическую боль, и осторожно надевает на меня цепочку. – Обещай, что никогда его не снимешь.

– Обещаю. – Подвеска падает между моих грудей и сверкает на солнечном свете. Я сжимаю ее в руке. – Когда ты уезжаешь?

– Рано утром, – он поднимает голову, словно проверяя, есть ли у него еще время.

– Спасибо за то, что был таким хорошим другом. Не знаю, как бы пережила без тебя последние два года.

– Не надо, – он качает головой. – Не говори так, как будто больше меня не увидишь.

Я опускаю голову и смотрю на свои потрепанные черные ботинки, вместо того чтобы позволить ему смотреть мне в глаза. Я боюсь, что по ним он все поймет.

Он поднимает мое лицо.

– Мне еще столько нужно тебе рассказать.

– Например?

Он не сводит глаз с моего лица.

– О моем прошлом... обо мне.

Я открываю рот и снова закрываю его. Себастьян никогда не рассказывал мне о своей семье. Он никогда не хотел рассказывать о своей жизни до переезда в Фейрскейп, а я никогда не настаивала.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы снова тебя увидеть, – мягко говорит он. – Но я еще не готов с тобой расстаться.

Руки у него большие и теплые. Я так много раз в тайне представляла себе, как он прикасается ко мне, но с ощущением его шершавых от мозолей пальцев на моей шее и волосах не может сравниться ничего. Он переводит взгляд на мои губы.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? Есть ли что-то, что я должен узнать перед отъездом?

Он имеет в виду мои чувства к нему? Или подозревает, что в полночь я отправлюсь в другое королевство, рискуя всем ради маловероятного шанса спасти сестру?

– Себастьян, ты мой лучший др...

Но, прежде чем я успеваю договорить, он опускает голову и касается моих губ своими. Я задыхаюсь. Они мягкие, и от их прикосновения через мое тело как будто пропускают электрический разряд, я словно просыпаюсь ото сна, и мне кажется, что этот поцелуй может осветить весь Фейрскейп, всю Элору.

Когда его язык скользит по моим губам, а потом – в мой рот, я отчаянно отвечаю на поцелуй. И отдаю ему всю себя. Я чувствую в поцелуе его волнение и спрашиваю себя, чувствует ли он мой страх. Я должна спасти сестру, но не хочу умирать. И терять его я тоже не хочу.

Мои эмоции просто зашкаливают, а чувства каким-то образом усилились от его поцелуя. Когда он отстраняется, у меня кружится голова и земля уходит из-под ног. Я любила Себастьяна два года, и все это время верила, что мои чувства безответны. Но когда я понимаю, что, возможно, никогда больше его не увижу, я неожиданно узнаю, что это не так.

Какой жестокой бывает судьба.

– Дождись меня, – шепчет он.

Я не буду его ждать. Я не могу. И от того, каким теплом отдаются во мне его слова, я чувствую себя виноватой. Я не могу позволить чувствам к Себастьяну затуманить мое внимание. Главное сейчас – найти Джас.

* * *

– Бри.

Я слышу, как кто-то шепчет мне на ухо мое имя, пока кобыла скачет все быстрее и быстрее, унося нас с мамой к пляжу.

– Бри, они идут.

Мое сердце бешено колотится, а волосы развеваются от порывов ветра. Мамино обручальное кольцо впивается мне в мизинец, когда она сжимает поводья.

– Бри.

Ветер становится горячим, дым наполняет воздух и обжигает мне горло.

– Абриелла, проснись!

Я ползу по полу на четвереньках, глаза горят огнем. Едкий дым заползает в легкие как змея, вокруг пляшет огонь. Жар лижет мою кожу. Пламя вырывается наружу и обжигает мои голые ноги. Джасалин улыбается мне, ее образ мерцает в дыму. Я поднимаю ее с кровати, но она слишком тяжелая для моих тощих рук, и я падаю под ее весом. Я сжимаю ее крепче, и она рассыпается в кучку пепла.

– Бри! – меня трясут.

Я заставляю себя открыть глаза. Заставляю себя втянуть воздух в легкие.

В комнате темно и прохладно. Здесь нет огня, если не считать одинокого огонька свечи на прикроватном столике. Ник присела на корточки рядом со мной. Она все еще в обтягивающем платье, которое надела для встречи со своим клиентом.

– В чем дело? – я еле сдерживаюсь, чтобы не погрузиться снова в сон из-за зелья, которое Ник дала мне после ужина.

– За тобой пришел Горст.

Я прижимаю руку к губам и вскакиваю на ноги. Фаун свернулась калачиком на кровати, прижимая к груди плюшевого кролика. Мой желудок сводит при мысли о том, что из-за меня Горст может уничтожить дом этой маленькой девочки.

В дверь стучат, и гулкий стук, кажется, сотрясает всю квартиру. Я поворачиваюсь к Ник с широко раскрытыми глазами.

– Отвлеки их. Я вылезу через окно.

Она кивает. Она уже об этом подумала.

– Я положила в твою сумку одно из своих платьев. Оно не так красиво, как то, которое могла бы сшить твоя сестра, но это поможет тебе смешаться в толпе других девушек, которые собираются на бал.

– Спасибо, – я крепко обнимаю ее.

– Если вы не откроете дверь, мы ее вышибем! – раздается низкий голос.

– Иду! – кричит Ник. Ее голос не выдает страха, очевидного по выражению ее лица. Потом она поворачивается ко мне. – Порталы откроются меньше чем через час. Будь осторожна. Возвращайся к нам, поняла? Фаун нужна ее тетя Бри.

Мои глаза горят, поэтому я просто киваю и перекидываю сумку через плечо.

Ник подходит к двери. С каждым шагом на смену ее страху приходит бравада.

– Кто вы такие и почему вламываетесь сюда посреди ночи?

– Нам сказали, что здесь живет Абриелла Кинкейд, – отвечает глубокий голос.

– Вам сказали неправильно. Здесь только я и моя дочь.

Пнув коврик под кроватью, я задуваю свечу. Одеяло тьмы – успокаивающий бальзам для моих чувств.

– Мэм, если вы не возражаете, мы хотели бы убедиться в этом лично.

Ник фыркает.

– Я возражаю. Моя дочь спит.

Я вылезаю из окна и закрываю его за собой как раз в тот момент, когда спальню заливают свет из коридора, и бегу по переулку. Поворачиваю. Петляю зигзагами, убегая по дороге, о которой они даже не подозревают. Луна ярко светит на ночном небе, и я стараюсь избегать главных улиц, предпочитая держаться более темных, узких проходов между зданиями. Я не хочу, чтобы меня заметили: прижимаюсь к стенам, если необходимо, прячусь между мусорными баками. Бегу, бегу, бегу. Чувствую, как по моему телу стекает пот, как горят мои легкие, но не останавливаюсь, пока не оказываюсь на окраине города.

На берегу реки, в лучах лунного света, уже стоят в очереди возбужденно хихикающие молодые женщины. Некоторые из них одеты в сложные бальные наряды, другие – в простые хлопковые, вероятно, лучшее, что есть в их гардеробе. Все они ждут, когда откроется портал, и смотрят на берег реки так, словно это их путь к спасению.

Дурочки.

Избегая толпы и лунного света, я направляюсь к густой роще. Вслепую стаскиваю с мокрого от пота тела рубашку и брюки, а потом ищу в сумке платье, которое дала мне Ник. Ткань тонкая и шелковистая, и, когда я натягиваю платье через голову, она скользит по моей коже как прохладная вода.

Я сжимаю подвеску на шее. Не знаю, насколько эффективны защитные амулеты, но сегодня ночью я смогла сбежать от людей Горста. Если с его помощью я смогу в целости и сохранности добраться до Фейриленда, возможно, я никогда больше с ним не расстанусь.

Я прижимаюсь к скрытому в тени дереву и смотрю, как все выше поднимается луна, пока наконец до меня не доносятся вздохи и восторженный смех.

– Он открылся.

– Портал открылся!

– Золотая королева приветствует нас!

– Принц Ронан ждет!

Я прячу амулет под платьем, медленно выхожу из тени и становлюсь в очередь вместе с другими девушками. Мы ждем, пока нас пропустят через портал. Я стискиваю руки, пытаюсь подавить желание пригладить волосы и вытереть пот со лба. Если я не буду поднимать голову, возможно, они не заметят, что я одета не так хорошо, как они.

Я не такая, как эти женщины. Я никогда не хотела быть принцессой феири, никогда не мечтала, что настанет день, когда я смогу танцевать с бессмертными на одном из их легендарных балов. Но сегодня я смотрю в лицо своей удаче. Как только я окажусь по ту сторону портала, люди Горста не смогут до меня добраться.

С этой мыслью я поднимаю голову и наблюдаю, как стоящая передо мной женщина делает шаг к отвесному пятифутовому обрыву над рекой – и растворяется в воздухе.

– Иди же, – говорит женщина позади меня. – Твоя очередь. Не задерживай остальных.

– Просто... прыгнуть? – спрашиваю я.

Она смеется.

– Нет, глупенькая. Если прыгнешь, то упадешь в реку. Ты должна пройти к порталу над водой. И должна верить, что он существует, иначе у тебя ничего не получится.

Я с изумлением смотрю на бурную реку и чувствую, как меня охватывают давящие лапы страха.

– Давай, – говорит она. – Что с тобой может случиться?

– Я могу упасть в реку, меня может затянуть под воду, течение будет бить мое тело о камни, пока я не утону?

Она смеется, как будто я сказала что-то невероятно забавное.

– Иди же.

– Поняла. Нужно просто поверить.

Всего-то.

– Дамы, кто-нибудь видел девушку со шрамом на запястье? – спрашивает кто-то в конце очереди. – Она воровка. Та, кто поможет ее поймать, получит вознаграждение.

Женщина позади меня опускает взгляд на мое запястье. Я прижимаю ладонь к амулету и не просто иду по берегу реки.

Я бегу.

Глава 5

Я падаю на колени и чувствую, как стучат зубы. Ноги пронзает боль, а когда я открываю глаза, на небе ярко светит луна. Я с трудом поднимаюсь и поворачиваюсь к реке – но она исчезла. Леса за берегом тоже нет. Деревья видно только далеко-далеко отсюда. Вокруг меня из ниоткуда появляются женщины, прибывающие из порталов по всей Элоре.

Я здесь. Я в Фейриленде. У меня получилось.

Воздух тут как будто совсем другой, он словно заряжен энергией – и я чувствую, как от нее покалывает мою кожу. У меня возникают ассоциации с электрической паутиной, на которую люди слетаются как мухи.

Я вглядываюсь в лица женщин, пытаюсь найти хоть какой-то намек на ту, что, казалось, жаждала выдать меня за вознаграждение. Но я не могу найти ее в толпе. Все равно по эту сторону портала она ничего не сможет сделать.

Вместо нее я вижу, как радостные молодые женщины спешат к золотому пешеходному мосту, который ведет к гигантскому замку. Золотые шпили взмывают к горизонту, пронзая ночное небо. Мерцают в свете звезд каменные стены. Все в точности как в сказках, которые мама рассказывала нам перед сном: стены замка сделаны из дробленого кварца, мраморные полы, небо – бесконечное покрывало сияющих звезд.

Когда мы с Джас были младше, мы часто мечтали об этом месте. Это была наша своеобразная игра. Мы представляли, как в солнцестояние попадаем в Фейриленд через портал и находим там маму. Мы описывали, как она будет рада нас видеть, и перечисляли бесчисленные причины, по которым она не возвращалась. Но годы шли, мама ни разу не навестила нас и не освободила от нашего контракта. И эта игра стала привлекать меня все меньше и меньше. Я не хотела думать ни о матери, ни о причинах, по которым она нас бросила. Я больше не хотела говорить о ней. А когда представляла наше воссоединение, что-то неприятно скручивалось у меня в животе.

Но теперь, когда я здесь, я не могу не задаваться вопросом. Если столько лет спустя она смогла выжить в этой опасной земле... счастлива ли она?

Я нахожусь по меньшей мере в сотне метров от пешеходного моста и ворот замка, но даже на таком расстоянии женщины с нетерпением выстраиваются в очередь. Я думала, что толпа будет беспорядочной, но такого представить себе не могла. Женщины проталкиваются мимо друг друга, чтобы занять свое место в очереди. Их отчаяние одновременно расстраивает меня и вместе с тем заставляет насторожиться.

– О, послушай, – говорит женщина позади меня. – В таком виде тебя туда не пустят.

Я поворачиваюсь к ней.

– То есть – не пустят? – холодно спрашиваю я.

Она хмурится, оглядывает меня с ног до головы, а потом достает из сумочки носовой платок. Не знаю, как выгляжу я, но она выглядит просто шикарно. На ней ярко-желтое платье с облегающим лифом и пышной юбкой, а ее темные волосы спадают на плечи идеальными упругими локонами.

Я оглядываю себя – впервые с тех пор, как Ник меня разбудила. Она дала мне ярко-красное шелковое платье, почти в тон моих волос. Оно обвисает у меня на груди, цепляется за острые углы бедер и расширяется от линии колен. Тонкая ткань демонстрирует каждую часть моего недокормленного тела, от выступающих бедер до впалого живота. На Ник это простое платье, вероятно, смотрится невероятно соблазнительно. Я же в нем похожа на жалкую оборванку. Обычно у меня нет времени беспокоиться о таких вещах, как внешность, но рядом с этой ослепительной женщиной я чувствую себя неловко.

– Не волнуйся. Я тебе помогу, – говорит она, протягивая мне платок. – Давай приведем тебя в порядок.

Мои руки все в грязи. Когда я скрывалась в тени переулка, я думала о том, чтобы спрятаться, выжить. А не о чистоте.

– Спасибо, – я беру у нее мягкую ткань и осторожно вытираю грязь с кожи. – Наверное, я так спешила попасть сюда, что даже этого не заметила.

Под грязью скрываются розовые царапины – когда я бежала по лесу, мне пришлось продирааться через кусты. Не очень-то я похожа на воплощение красоты.

– А что вы имеете в виду под словами «Они тебя не пустят»? Они не всех впускают?

Она снова роется в сумочке и достает маленький пузырек с мазью.

– У королевы большой замок, но даже он не может вместить всех женщин, которые надеются выйти замуж за принца. – Она берет платок, выдавливает на него немного матовой мази и прикладывает к особенно уродливой ссадине на моем плече. Я смотрю, как кожа заживает и снова приобретает здоровый оттенок слоновой кости.

– Простите, я не могу заплатить вам за это.

Она улыбается и продолжает прикладывать мазь к ссадинам на моей руке.

– Когда я стану невестой принца Ронана, твои деньги мне не понадобятся, – она подмигивает мне, как будто это шутка и только я понимаю ее соль. – Меня зовут Прета.

Я сглатываю, не понимая, чем заслужила ее доброту.

– Абриелла.

– Какое красивое имя, – она начинает обрабатывать другую мою руку.

– Спасибо, – я перевожу взгляд на длинную очередь перед нами. – А как они решают, кто войдет?

– Большинство женщин отправят домой еще до того, как они войдут в замок. Стража делает первый отбор, основываясь на одной лишь внешности, – наверное, она увидела отражение на моем лице, потому что добавила: – Понимаю. Мелочно, да? Но они ищут для своего принца здоровую, красивую невесту.

Очередь продвигается медленно, и, хотя мне не терпится попасть в замок и начать поиски, я рада, что у меня есть дополнительное время. Мне и в голову не приходило, что я могу не пройти через эти ворота.

– Вот так, – она заканчивает обрабатывать последнюю царапину на моем запястье. – А теперь... могу ли я поработать над твоим лицом?

Она достает маленькое зеркальце и поворачивает его так, чтобы я могла видеть свое отражение.

Лицо у меня не лучше, чем были руки. Круги под глазами и впалые щеки – и это даже хуже, чем грязь и ссадины. «Здоровая» – не то слово, которое приходит мне в голову, когда я смотрю на себя в зеркало.

Прета промокает мое лицо чистой тканью, а затем достает из бескрайних глубин своей сумочки косметичку. Она подводит мне глаза сурьмой, красит ресницы, румянит щеки и наносит на губы темно-красную помаду. Когда я снова смотрю в зеркало, единственная знакомая моя черта – вьющиеся рыжие волосы.

– Ты настоящий художник, – говорю я, аккуратно касаясь подушечками пальцев места, где раньше были мешки под глазами. – Ты точно не использовала на мне магию?

– Нет ничего плохого в том, чтобы усилить свою естественную красоту с помощью капельки магии, – смеется она.

Я ожидаю увидеть в ее руках расческу, но, когда она начинает работать над моими волосами, я не могу сдержать смех.

– Если у тебя получится укротить мои волосы этой расческой, ты присоединишься к Семерке Элоры.

– Я не посмею укрощать твою дикую красоту. Она привлечет к тебе внимание принца. – С помощью хрустальной заколки она собирает мои кудри и аккуратно укладывает вокруг лица.

Я пытаюсь улыбнуться, как девушка, которой не терпится привлечь внимание принца фейри. Но на самом деле, когда я наконец окажусь в замке, мне нужно прямо противоположное.

Закончив суетиться с моими волосами, она отступает назад и склоняет голову.

– А теперь платье?

Очередь медленно ползет вперед, луна движется по небесному своду. Такими темпами мы будем стоять здесь и когда взойдет солнце. А может быть, и после восхода.

– То есть у тебя в карманах есть иголка и нитки и ты будешь перешивать его в нечто более причудливое?

– Фи, – она машет рукой. – Я не швея.

Это слово – удар в живот, напоминание, которое заставляет мою улыбку померкнуть.

– Я тоже.

Она хмурится, не упуская перемены в моем настроении.

– Я что-то не так сказала?

– Нет, все в порядке. Просто моя сестра была... она швея. Вот и все.

Ее взгляд смягчается.

– Мне очень жаль. Что с ней случилось?

– Ее продали в рабство.

Что-то мелькает в ее глазах. Долю секунды мне кажется, что она может закричать от праведного гнева – но потом моргает, и ее взгляд становится таким, как прежде.

– Поэтому ты здесь.

Я вздыхаю. Мне нужен друг, но я не могу рисковать. Нельзя рассказывать этой незнакомке о своих планах.

– Мне кажется, каждая девушка в этой очереди мечтает о том, чего можно достичь с помощью силы и привилегий принцессы фейри.

Она хмыкает, раскрывает ладонь и показывает мне пригоршню булавок.

– Можно?

– Ты же сказала, что не швея, – я смотрю, как она закалывает булавки вокруг моей талии. Я медленно поворачиваюсь, чтобы она могла подколоть платье и у меня на спине.

– Я – нет, но женщина, которая заколдовала эти булавки, – да, – она вставляет последнюю булавку, замыкая круг, а затем щелкает пальцами.

Секунда – и на мне уже не то платье, что я надела в лесу. Теперь это бальное платье, самое красивое из всех, которые я когда-либо носила, может быть, даже прекраснее всего, что когда-либо создавала Джас. Пышная юбка скользила по траве при ходьбе. По подолу и с одной стороны юбки были вшиты бутоны роз, будто платье было какой-то волшебной сеткой. Облегающий лиф был с косточками, и благодаря им моя несуществующая грудь сердечком вздымается над вырезом. Она едва прикрывает мой амулет.

Я с таким увлечением рассматривала свое новое платье, что поняла, что мы прошли через мост, только когда Прета хлопнула меня по плечу. Мы наконец добрались до ворот замка.

Не знаю, что я ожидала увидеть. На роскошной зеленой лужайке развернулась настоящая вечеринка. Вокруг бродят самые разнообразные существа. Похожие на крошечных людей фейри с полупрозрачными гудящими крыльями, как у бабочек. Огненные фейри с красной кожей и сияющими глазами пляшут вокруг костра и кружат своих партнеров-людей так быстро, что я едва могу за ними уследить. В толпе бродят эльфийские фейри, и если бы не их заостренные уши и неземная грация, они могли бы почти слиться с людьми – правда, очевидно, что им это не нужно.

– Еще чуть-чуть, – Прета сжимает мою руку, и я чувствую неожиданный прилив нежности.

– Почему ты так добра ко мне?

– Может быть, мне тоже нужен друг.

Откуда она знает, что мне нужен друг? Никто никогда так обо мне не думал. Я всегда держалась холодно и сдержанно. Я – одиночка, и меняться у меня не было никакого желания.

– Хорошо... спасибо. За все.

Я прикусываю щеку, снова изучая свое платье. Оно прекрасно. Если мне повезет, оно поможет мне пройти внутрь. Но что будет потом? Я не смогу красться по темным коридорам в этой юбке.

– Тебе не нравится, – говорит она.

Она не защищается и не обижается. Просто наблюдает, почти с любопытством.

– Я не привыкла к одежде, которая ограничивает движения. То есть меня всю жизнь учили опасаться фейри, и если мне понадобится убежать или еще что-то...

Она поднимает подбородок.

– Умная девочка.

Мне неловко.

– Или неблагодарная негодяйка?

– Я воткнула булавки в верхнюю часть юбки. Убери одну из них, и заклинание перестанет действовать. Платье примет свой первоначальный вид.

Я провожу кончиками пальцев по юбке, пока не нащупываю одну из булавок.

– Прекрасно. Спасибо.

Мы ведем пустые разговоры уже долгие часы, а очередь к дверям замка становится все короче и короче. Все это время я стараюсь как можно внимательнее вглядываться в то, что меня окружает, не обращая внимания на боль в ногах и урчание в животе. Я изучаю фейри во дворе и стражников, патрулирующих периметр.

Я не сомневаюсь, что самый легкий способ попасть в этот замок – через парадные ворота, но чем больше времени проходит, тем более призрачными мне кажутся мои шансы туда проникнуть. Солнце поднялось высоко в небе, и я видела, как десятки женщин отослали через портал, открытый возле часовых. В замок были допущены очень немногие.

– Удачи, – шепчет Прета, когда я делаю шаг вперед.

У мужчины, стоящего у ворот, заостренные уши и ярко-голубые глаза. Он оглядывает меня, пожимает плечами и жестом приглашает войти. Я снова поворачиваюсь к Прете.

– Как я могу тебе отплатить?

Она усмехается.

– О, я что-нибудь придумаю, прежде чем мы снова встретимся.

Когда я переступаю через порог, другой эльфийский фейри берет меня за руку и ведет по ярко освещенному коридору. Свет, исходящий от хрустальных люстр над головой, ослепляет меня, как и свет, отражающийся от сверкающих полов.

Я отваживаюсь оглянуться через плечо, чтобы посмотреть, идет ли за мной моя новая подруга, но вместо этого вижу в нескольких шагах позади незнакомую девушку. Неужели Прету отправили домой? Меня гложет чувство вины. После всего, что она для меня сделала, несправедливо, что меня впустили, а ее нет. Нужно было пропустить сначала ее – попытаться уговорить охранников, если бы ей велели уйти через портал.

– Идите прямо. Наслаждайтесь праздником, – коротко говорит мой провожатый. Прежде чем я успеваю ответить, он отпускает меня и направляется туда, откуда мы пришли.

Я делаю несколько шагов вперед и вхожу в бальный зал. Размерами он с квадратный блок в Фейрскейпе. Здесь огромные, от пола до потолка, окна. Через них в комнату льется солнеч-

ный свет. Сейчас позднее утро, и ноги людей и фейри мелькают над сверкающими мраморными полами. Я медленно пробираюсь в комнату, сливаясь с толпой, изучая пространство.

– Вот обязательно ей было отсылать Джасалин до того, как она закончила мое платье? – скулит знакомый голос позади меня.

Кассия.

Мое сердце начинает бешено колотиться.

Нет. Нет, пожалуйста.

– Ну, у тебя хотя бы было что-то достойное, – говорит Стелла. – Мне пришлось подкупить одну из помощниц швеи, и то чуть не ушла от них без платья.

Конечно, Кассия и Стелла пришли на бал. Наверное, поэтому они настаивали, чтобы Джас сшила им новые платья. Они как раз из тех идиоток, которые считают, что смогут стать принцессами фейри.

Низко опустив голову, я пробираюсь через толпу, стараясь держаться от них подальше. Думать не хочу о том, что будет, если они меня заметят. Они сделают все возможное, чтобы меня отсюда вышвырнули. И высмеют меня, если узнают, что я пытаюсь спасти Джас.

Я так тороплюсь пройти через бальный зал, что врезаюсь в широкую мужскую фигуру.

– Простите. Прошу прощения, – не поднимая глаз, я продолжаю идти вперед.

– С вами все в порядке?

Его голос глубокий и мелодичный. Когда я слышу его, внутри меня что-то екает, и я не могу удержаться и оборачиваюсь.

При виде высокого мужчины со слегка загорелой кожей у меня перехватывает дыхание. Это не просто фейри. У него непослушные темные кудри до плеч, серебристые глаза сияют как лунный свет и обрамлены густыми темными ресницами. Если бы он был человеком, я бы предположила, что ему чуть больше двадцати, но что-то в его осанке и жестких чертах лица говорит, что он намного, намного старше. Он окидывает меня изучающим взглядом, кривит свои пухлые, сочные губы, а потом хмурится.

– Не хотите потанцевать, миледи?

– Что? Нет, – мне нужно сосредоточиться. Нельзя отвлекаться на невероятную красоту этого фейри.

Его глаза расширяются, как будто раньше его никогда не отвергали. И я не удивилась бы, если это правда – с такой-то внешностью.

– Может быть, тогда прогуляемся по саду?

– Отвали. Меня не интересуют...

Я слышу смех своих двоюродных сестер и оборачиваюсь. Они приближаются ко мне.

– Хорошо. Потанцуем, – быстро говорю я, вкладывая свою руку в его. Его губы дергаются, но он принимает мою руку и ведет меня в центр зала.

– С удовольствием.

Со сцены в передней части зала оркестр играет душераздирающую мелодию. Я никогда не слышала эту песню, но при звуках музыки мне до боли хочется двигаться в такт мелодии.

Мой партнер смотрит мне в глаза и ведет меня через зал. Над нами сверкают люстры, на легком ветру покачиваются шары света. Что-то в танце – в наших движениях – напоминает мне, какую я чувствую свободу, когда оказываюсь в темноте. Это и расслабляет, и опьяняет одновременно. Это чувство безумно мне нравится, и я не хочу, чтобы оно заканчивалось. И когда он изучает мое лицо и шепчет: «Так красиво», я забываю о всех своих тревогах.

Мелодия меняется, и, прежде чем мужчина с серебристыми глазами успеет увести меня с площадки для танцев, меня берет под руку другой фейри.

Будет ли от этого хуже? Если я позволю себе еще один танец, прежде чем рискну всем и отправлюсь на поиски сестры? Будет ли хуже, если я еще хотя бы на несколько мгновений

погружусь в жизнь, где не нужно каждый день бороться, где я смогу жить как эти фейри – танцевать, пить вино, смеяться над всякими пустяками?

Мое тело и музыка сливаются воедино, и когда оркестр подхватывает ритм – когда смычки начинают быстрее двигаться по струнам, а пальцы флейтиста порхают по клапанам, – мои мышцы предвосхищают каждую ноту и ритм этой мелодии. Меня передают от одного партнера к другому, мне кажется, что я грациозная, как фейри. Я танцую, танцую... танцую, пока у меня не перехватывает дыхание, легкие не начинают гореть, а ноги – болеть.

Лица моих партнеров размываются. Мне все равно, кто они и что они. Я с головой погружаюсь в волшебную мелодию, в движения – и забываю о своих проблемах и своей несчастной жизни.

Я улыбаюсь. Много месяцев я не чувствовала себя так легко. Я покачиваю бедрами в такт музыке, томно вожу плечами. Секунда – и я оказываюсь в центре зала и позволяю фейри вести себя в танце. Я поднимаю руки над головой и плавно покачиваю ими в такт мелодии. Я чувствую, что непомерная тяжесть ответственности спадает с моих плеч. Впервые за много лет я свободна. Может быть, впервые в жизни. Этот танец, он и есть свобода.

Кто-то дает мне бокал вина, и я, не переставая двигаться, рассматриваю жидкость. Сейчас мне так хорошо. И я знаю, что от вина станет еще лучше. Нужно просто сделать глоток.

Но что-то в глубине сознания не дает мне покоя. Что-то, связанное с этим вином. Мне нельзя о чем-то забывать. Но я подношу бокал к губам. Я хочу больше танцев, больше наслаждения, больше этой опьяняющей свободы. Но прежде чем я успеваю коснуться бокала губами, его выбивают у меня из рук. Потом меня обхватывают сильные руки и уносят с площадки.

Я борюсь с ним, я хочу вернуться туда, где мое место, – к музыке, ритму, успокаивающему покачиванию бедер и размытому движению, к ускоряющемуся арпеджио.

– Хватит, – шепчет он мне в ухо.

– Нет.

Я слышу мольбу в своем голосе.

Он тащит меня прочь от танцующих и прекрасной мелодии в тихий коридор за пределами бального зала. Из окна в конце коридора видно, как солнце опускается за горизонт, заливая землю желто-оранжевым сиянием сумерек.

Музыка ослабляет хватку на моем разуме, мои чувства возвращаются, и я с трудом сглатываю. Капля за каплей, как чаша наполняется водой, мои мысли приходят в норму.

Джас. Я должна спасти Джас.

Я в Фейриленде. Я в ловушке. Мои руки прижаты к бокам. Он слишком сильный. Слишком большой. Я не смогу с ним бороться.

– Тебе нужно отдышаться, – говорит он мне на ухо.

Я вырываюсь из рук мужчины и поворачиваюсь к нему. Это тот самый фейри с серебристыми глазами, с которым я начала танцевать.

– Это... – я заставляю себя сделать глубокий вдох и ошеломленно смотрю на окно в конце коридора. – Это закат?

Он усмехается и прищуривается.

– Ты потеряла счет времени?

Я зажмурилась, проклиная себя за неосмотрительность. Я позволила музыке себя одурочить. Потеряла время, которое могла бы использовать для того, чтобы обыскать замок – чтобы добраться до Джас.

И я чуть не выпила вино фейри.

Дура.

– Со мной все в порядке.

– Сейчас – да, – он кивает на мое запястье. – Любопытный шрам.

Я вспоминаю о Джас, и мое сердце сжимается. Она всегда называла мой шрам «луной и солнцем». Потому что одна его сторона была похожа на полумесяц, а вторая – на солнце.

– В детстве я попала в пожар. Чудом выжила.

Я закрываю рот. Лучше ничего ему не говорить, но он настолько обаятелен, что я уже готова раскрыть свои секреты. Он не может оторвать глаз от моего шрама.

– Но... – он напрягается и бросает взгляд в коридор. – Сюда идет королева.

Я не понимаю, предупреждение это или он не хочет, чтобы я пропустила ее появление. Я машу рукой в сторону бального зала.

– Возвращайся на праздник.

Его глаза вспыхивают.

– Нельзя, чтобы она видела твой шрам.

Что? Почему?

У меня нет возможности задать эти вопросы, потому что он кланяется – глубокий поклон от дворянина фейри, жест, предназначенный для их высшего дворянства, – заходит в бальный зал и растворяется в толпе. Мне хочется последовать за ним и потребовать, чтобы он объяснил, что имел в виду, когда говорил про шрам. Но я не хочу возвращаться в бальный зал и снова попадать под влияние этой музыки. Риск слишком велик. А больше время мне терять нельзя.

Я вытаскиваю из юбки булавку, и платье исчезает. Вместо него появляется простой тонкий шелк. Я вздыхаю с облегчением и отступаю в тень. Одновременно я ловлю себя на том, что прокручиваю в голове, как я танцевала в его объятиях, вспоминаю выражение его лица, когда он произнес «Так красиво».

Он имел в виду музыку? Танец? Почему мне хочется верить, что он говорил обо мне? Почему я вообще об этом думаю?

И тут я слышу, как ко мне приближаются тяжелые шаги. В поле зрения появляется дюжина стражников. Они идут по обе стороны от фейри, на голове которой сверкает золотая корона.

При виде Арьи, золотой королевы, правительницы Двора Солнца, даже я испытываю благоговейный трепет. Ее волосы сияют, как золото, а кожа – как утренний солнечный свет, отражающийся от воды. Но ее глаза... ее глаза не соответствуют внешности. Они синие. Должны быть ошеломляюще синими, но вместо этого ее взгляд кажется мне пустым – и одиноким.

«Когда-то давным-давно золотая принцесса фейри влюбилась в короля теней...»

Может быть, король разбил ей сердце?

Я покачала головой и заставила себя сосредоточиться. В одном мужчина с серебристыми глазами был прав: нельзя, чтобы королева или ее стражники меня увидели. Мне нужно держаться в тени и тайком осмотреть замок, пока остальные обитатели дворца развлекаются на балу.

Я смотрю на свои руки, и у меня перехватывает дыхание. Мои руки, ноги, тело... на их месте я вижу только тень. Я машу перед лицом рукой, но ее нет. Я... невидима?

Я пачусь и натываюсь на стену – и проваливаюсь через нее, в поток солнечного света в шумной кухне.

– Что ты здесь делаешь? – рычит мускулистый гном в поварском колпаке. Лицо его похоже на свиное рыльце, а на голове растут изогнутые рога.

Я вскакиваю на ноги, уставившись на стену, почти уверенная, что только что провалилась сквозь нее.

– Пришла воровать еду с моей кухни? – он шлепает меня по спине ложкой. От удара у меня щиплет кожу. – Вон отсюда, дикарка.

– Да, сэр, – бормочу я.

Я нахожу ближайшую дверь и выбегаю из комнаты. На этот раз я оказываюсь в длинном коридоре. Он не такой, как тот, в котором я увидела королеву. Здесь на стенах через каждые несколько футов висят канделябры и горят свечи. Но окон нет, и все погружено в полумрак.

Я тяну дрожащую руку к тени и смотрю, как она исчезает.

Это какая-то странная реакция на пребывание в Фейриленде? А что, если мой навык скрываться в тени в обычном мире в этом позволяет в ней исчезать?

Из одной из комнат слышатся голоса. Я отступаю в тень и, растворяясь в ней, прислушиваюсь к разговору.

– Принца ожидают сегодня вечером, – говорит глубокий голос.

– Да, сэр, я понимаю, – пискляво отвечает другой мужчина. – Но он все еще в отъезде. Как вам известно, он не горит желанием возвращаться домой – и еще меньше горит желанием выбирать себе невесту.

– Тогда найди его, – сказал первый мужчина. – Я буду очень недоволен, если из-за тебя мне придется сообщать королеве плохие новости.

Во дворце полно женщин, которые готовы посвятить свою жизнь принцу Благого двора, а он даже не потрудится выйти к ним? Как типично для фейри. И как эгоистично.

Мужчины выходят из комнаты и направляются в мою сторону. Они – высокие, грациозные дворяне, одетые в желто-серую униформу. Эти фейри – члены королевской гвардии?

Они проходят мимо меня, и я еще сильнее вжимаюсь в тень. Хоть бы я была невидима и для них тоже, а не только для себя. Когда один из них случайно проводит локтем по моему животу, я задерживаю дыхание.

Я снова делаю вдох, только когда они сворачивают за угол.

Я осторожно заглядываю в комнату, из которой они вышли. Оказывается, это кабинет. Здесь стоят два письменных стола, на них – стопки книг, на стенах висят карты. Но больше всего меня интересует окно и угасающий солнечный свет.

Мне нужно найти этот шкаф. Я и так потеряла много времени.

* * *

Я нашла его. Огромный шкаф с крыльями на дверях был на самых нижних уровнях дворца, в дальнем углу кладовой.

Замок королевы просто огромный. Фейри и света здесь намного больше, чем хотелось бы девушке, чьи навыки связаны с тенью и тьмой. Почти в каждом коридоре и комнате кто-то был, но я обыскала каждое помещение, в которое смогла попасть. Если бы я решила начать с кладовых, я бы сэкономила несколько часов, но, учитывая размеры этого дворца, мне невероятно повезло, что я в принципе нашла этот шкаф.

Здесь темно и прохладно, а я так устала, что мне хочется забиться в угол, свернуться калачиком и проспаться целую неделю. Я не спала уже почти сутки, и каждая клеточка моего тела болит из-за того, что меня втянули в танцы. Но останавливаться нельзя. Мне нужно попасть в Неблагой двор. В голове эхом отдается имя сестры, напоминая о том, что поставлено на карту, и придавая силы продолжать поиски.

Распахивая дверцы шкафа, я понимаю, что не знаю, что ищу. Это – по крайней мере на вид – обычный, ничем не примечательный шкаф. Конечно, я не ожидала, что на нем будет надпись: «Волшебный портал! Чтобы найти сестру, войди в него в полночь!» – но я думала, что будет какая-то подсказка, как его использовать.

Но разумеется, это вообще не очевидно. Баккен говорил, что на дверцах нарисованы крылья, но этому описанию может подходить не один гардероб. А что, если королева все-таки уничтожила портал, а это самый обычный шкаф?

Я открываю все ящики, вожу руками вверх-вниз по стенкам. Нет ни прохода, ни потайных отсеков, ни фальшивой задней стенки. А вдруг этот портал работает как тот портал на реке, и в него нужно войти, веря, что он работает?

Но куда войти? Как?

Позади меня раздается низкий хриплый смех, и я резко оборачиваюсь.

Сначала я никого не вижу, но затем в воздухе появляется шар света фейри. Он медленно подплывает ко мне, и из тени выходит высокий темноволосый мужчина. Я сразу узнаю его серебристые глаза.

Я тянусь к бедру, за кинжалом, но его там нет. Я знала, что не смогу попасть в замок, если при мне будет оружие и вопреки здравому смыслу пришла в это опасное королевство без защиты. Будь я умнее, прежде всего направились бы в оружейную королевы и только потом начала поиски портала. Нет: будь я умнее, я бы заставила Баккена рассказать мне, как сразу попасть в Неблагой двор. Нужно скорее понять, как работает этот портал. Если я этого не сделаю, мне придется прятаться в замке весь следующий день – пока он снова не откроется.

У меня мало времени.

– Вы следили за мной? – спрашиваю я.

– На бал принца Ронана приходит очаровательная девушка-человек, и ей каким-то образом удается незамеченной прочесать дворец. Конечно, я за тобой слежу.

Ну, получается, не совсем незамеченной.

– Я заинтригован, – говорит он, но в голосе его не слышно заинтригованности. В нем слышно раздражение.

Я замираю. Я жду, что он позовет стражников, бросится на меня и утащит в подземелье – ожидаю хоть чего-нибудь. Но он не двигается, и я запоздало понимаю, что этот мужчина с серебристыми глазами и темными волосами не принадлежит к золотой знати фейри.

«Если ты видишь в глазах серебро, не вздумай с фейри вступать в договор».

Он – со Двора Луны.

– Кто вы?

– Я бы задал тебе тот же вопрос, – его губы кривятся в усмешке.

Я поднимаю голову. Если он не имеет отношения ко двору королевы, то не поймет, что мне здесь не место.

– Я служанка королевы Арьи. Меня послали сюда, чтобы кое-что для нее забрать.

Он скрещивает руки на груди и наклоняет голову.

– Ты не похожа ни на одну из служанок королевы Арьи.

– Вы видели их всех?

– Вряд ли, – он оглядывает меня с ног до головы. – Но я знаком с людьми, работающими в ее дворе.

– Возможно, вы не так хорошо осведомлены, как думаете.

Я знаю, что с фейри лучше не спорить. Я должна бежать, а не разговаривать. Но все же меня тянет к нему – есть в нем что-то, что притягивает меня, а не отталкивает. Я чувствую ровный гул силы в моей крови. Такой же, какой чувствовала во время танца.

Почему никто не сказал мне, что в Фейриленде у людей есть силы?

Он ухмыляется и делает шаг вперед – и только тогда я понимаю, какой он высокий. Он одет в красивые черные брюки и рубашку в тон. Кажется, она из бархата.

Плечи у него широкие, как у воина. А я совершенно беззащитна.

Ты можешь проходить сквозь стены, Бри. Ты не застряла.

Утешив себя этой мыслью, я делаю глубокий вдох и позволяю ему себя рассматривать. Как будто мне нечего скрывать.

– Если ты хотела выдать себя за одну из служанок Арьи, тебе стоило хотя бы узнать, какие они носят цвета, – его грудь резко вздымается, и я решаю истолковать это как безмолвную усмешку. – Или что она никогда не возьмет в служанки девушку красивее ее.

При этих словах мои щеки начинают пылать, и я борюсь с желанием осмотреть себя. Я почти убедила себя, что мне показалось, как он сказал это во время танца. Разумеется, любая станет красивее, если Прета нарисует ее своей волшебной косметикой. Но... он хочет, чтобы я поверила, что он считает меня красивее королевы. Вероятно, он пытается умаслить меня лестью.

– Что вам нужно?

– Я бы очень хотел узнать, кто ты такая.

– Я только что вам сказала.

– Ты не служанка, и я прожил достаточно долго, чтобы распознать вора, – он качает головой. – Но я не могу понять, что ты пытаешься украсть. Что, по-твоему, она может прятать в этом шкафу?

Я скрещиваю руки на груди, даже не пытаюсь отвечать.

– Может быть, ты ищешь то, что нужно нам обоим, – говорит он. – Может быть, мы можем помочь друг другу. Что тебе нужно, о прекрасная воровка?

И я с трудом подавляю желание поделиться с ним своей историей. Есть в этом мужчине какое-то очарование. Как было бы просто рассказать ему все, что он хочет знать. Но я сдерживаюсь. Конечно, он очарователен. Он же феяри. Хуже того. Он феяри Неблагого двора. Очарование и невероятная жестокость у них в крови.

Он, вероятно, очень силен и сможет заставить меня говорить. Мне нельзя так рисковать. Моя грудь сжимается, дыхание ускоряется. Мне кажется, что я в ловушке – пригвоздили пристальным взглядом, от которого ничего не скрыть.

Звонят дворцовые колокола, и кажется, что стены сотрясаются от их звона.

Колокола.

– Сколько времени?

– Почти полночь, – он смотрит мне в глаза. – Ты куда-то торопишься?

Я тоже смотрю ему в глаза и на мгновение забываю, зачем мне нужно бежать. Я никогда не видела таких глаз – серебристых, с белыми крапинками в радужке. Они необыкновенные – такие же, как и он сам. Он пленяет своей красотой. Неожиданной, чарующей красотой. Опасной.

Колокола продолжают звонить.

Шесть. Семь. Восемь раз.

Я, спотыкаясь, пячусь назад.

– Мне нужно идти.

Девять. Десять.

Он делает вдох, его ноздри раздуваются.

– Позволь мне помочь.

Одиннадцать.

Я паникую и бросаюсь в шкаф.

Двенадцать.

Я прислоняюсь к задней стенке шкафа, но не прохожу сквозь нее, а падаю – прямо на массивную кровать с балдахином. Вокруг кровати из черного дерева, в элегантно обставленной спальне, стоят, положив руки на клинки, с полдюжины стражников.

Я в панике смотрю по сторонам.

Где я?

Один стражник делает шаг вперед.

– Абриелла Кинкейд, вы пойдете с нами. Король Мордеус ждет вас.

Глава 6

Я съеживаюсь от ужаса. Меня окружили мускулистые солдаты с загнутыми рогами на головах. Их раздвоенные языки каждые несколько секунд высовываются изо рта – прямо как у лягушек. Хотя я знаю, что прекрасные эльфийские фейри так же смертоносны, как и все остальные, при виде этих стражников у меня возникло непреодолимое желание убежать и спрятаться.

Хотелось бы мне исчезнуть или стать тенью, но сила, которая была у меня во дворце королевы, сейчас мне не подчиняется. Вокруг моего запястья смыкается когтистая рука, и я пытаюсь вырваться из хватки.

– Стойте!

– Никто не смеет заставлять короля ждать.

– Я поговорю с ним, только если мне не причинят вреда.

Стражник, держащий меня за запястье, фыркает, не обращая внимания на мою угрозу. Еще двое делают шаг вперед и хватают меня за другую руку.

– Отпустите меня! – на место бравые приходит паника. – Немедленно отпустите меня. Я пойду с вами сама. Обещаю.

Двое стражников обмениваются удивленными взглядами. Третий смеется и говорит:

– Она думает, что мы ей доверяем.

Они берут меня под руки и выводят из комнаты. Мы идем по тускло освещенному коридору, и с каждым поворотом меня все сильнее охватывает паника.

Они отведут меня к королю, и он бросит меня в темницу. Они сделают меня рабыней, как многих людей до меня. Моя жизнь кончена, но что еще хуже – я не смогла спасти Джас.

Неожиданно они заводят меня в комнату, освещенную ярче всех коридоров, которые мы проходили до того. Высоко над головой парят, покачиваясь в такт музыке, шары света. Фейри всех видов танцуют под лунным светом, проникающим сквозь куполообразный стеклянный потолок.

Двор Луны невообразимо прекрасен, а собравшиеся передо мной не погружены в пьяные грезы. Я представляла, что здесь людей будут приносить в жертву над огромными кострами, пытать на каждом углу. Я ожидала повсюду леденящие душу крики боли. Но это? Это бал, такой же роскошный, как при золотом дворе. И хотя стражники, сопровождающие меня, уродливы, эльфийские фейри в своих роскошных нарядах так же прекрасны, как фейри во дворце королевы.

Мы входим в зал. Стражники ведут меня вперед, и мне кажется, что меня здесь ждали. Толпа замолкает, а потом расступается, и моему взору открывается полированный трон из черного дерева, стоящий на возвышении в противоположном конце зала. А рядом с ним, скрестив руки на груди, стоит мужчина, который может быть только королем Мордеусом.

Даже с другого конца комнаты я вижу его серебристые глаза. Он пристально смотрит на меня, пока я приближаюсь к возвышению. От него исходят волны высокомерия и претенциозности. Он стоит, широко расставив ноги, источая силу и уверенность. Его темные волосы собраны на затылке, только две белые косички свисают по бокам его лица, подчеркивая его острый подбородок и высокие скулы. Если бы не его жестокие глаза, его можно было бы назвать красивым. Но этот взгляд...

Мое тело сотрясает дрожь. Вот тот, кто купил мою сестру, как будто она бездушный предмет. Вот правитель, который не остановится ни перед чем, чтобы получить то, что считает своим.

Он поднимает руку, и музыка останавливается. Все замолкают. Он вытягивает палец.

– Приведите ее ко мне.

Стражники подчиняются и тащат меня к возвышению быстрее, чем я успеваю передвигать ноги.

– Абриелла, Огонек, – говорит король. Он оглядывает меня так, будто я его собственность. – Никто не говорил, что человеческая воровка так хороша.

Мне хочется плюнуть в него и вцепиться ногтями. Этот злодей, возможно, уже причинил вред Джасалин – или даже хуже. Наверное, он видит это на моем лице, потому что, когда стражники толкают меня вперед, он смеется.

Я спотыкаюсь, но, когда выпрямляюсь, стражник бьет меня по коленям сзади, и я падаю на холодный мраморный пол.

– На колени перед Его Величеством Королем Теней, Повелителем Ночи, Правителем Звезд.

Я чувствую, как по ногам разливается боль, и понимаю, что не могу встать. Невидимые путы заставляют меня преклонить колени перед этим злым королем.

Во мне вспыхивает гнев – такой же горячий, как огонь из моих ночных кошмаров. На мгновение зал заполняет темнота, такая густая, что в комнате ничего не видно.

Я судорожно втягиваю носом воздух, и темнота рассеивается.

Король хвастается своими силами? Пытается показать свою мощь ничтожной человеческой девушке?

– Впечатляет, – улыбается мне король. – Очень впечатляет.

Он хвалит собственную магию? Я дерзко поднимаю голову. Они могут заставить меня встать на колени, но без борьбы я голову перед их королем не склоню.

– Мне говорили, что это невозможно, – говорит король. – Мне сказали, что никто не может пройти через Золотой дворец незамеченным. Я знал. Знал, что ты особенная.

– Где моя сестра?

Мое шипение – лишь толика кипящей во мне ярости.

Улыбку короля можно было бы назвать приветливой – как будто он друг, который утешает и хочет, чтобы ты знал, что все будет хорошо, – но никакая улыбка не сможет скрыть его ледяной взгляд.

– Твоя сестра в безопасности. Пока что.

– Почему она? Вы – король фейри. Вы можете взять кого угодно. На свете есть бесчисленное множество человеческих женщин, готовых встать в очередь, если у них будет шанс быть с вами.

«Дуры», – думаю я про себя.

Интересно, может ли он читать мои мысли: с его губ срывается тихий смешок.

– Мне не нужна твоя сестра.

– Тогда почему?

– Мне нужна ты.

Я дергаюсь под невидимыми путями.

– Но это бессмысленно.

– Разве?

– Если вам нужна я, зачем вы купили ее?

– А ты бы пришла ко мне, если бы я попросил? Ты бы выполнила мою просьбу, если бы я выкупил твой контракт, а не ее? – его глаза сверкают, и он смотрит на меня так пристально, что мне кажется, будто он заглядывает мне прямо в душу. – Нет, такая девушка, как ты, не поможет мне даже ради спасения собственной жизни. Но если тебя вынудить помогать, если от этого будет зависеть жизнь твоей сестры...

– Зачем тебе моя помощь?

– Абриелла, даже тебе известно, что ты бесценна, – он играет с концом одной из своих белых косичек. – Тебе удалось прокрасться в замок золотой королевы и побродить по его кори-

дорам. Ты нашла ее портал и прошла через него незамеченной. Ты произвела впечатление даже на меня, Повелителя Ночи. Я верю, что ты сможешь сделать для меня то, что никто другой сделать не сможет.

– Сомневаюсь, – шиплю я сквозь зубы и тут же жалею, что не могу взять свои слова назад. Пока у него моя сестра, я в его власти, и он это знает. Если только так я смогу освободить Джас, мне нужно, чтобы он поверил, что я могу сделать все, что он скажет. – Я и пальцем не пошевелю, пока моя сестра у тебя в плену. Отправь ее домой, и я буду готова обсудить любую помощь, которая тебе требуется.

– Домой? То есть отправить ее обратно в тот заплесневелый подвал под домом ведьмы? – он снова смеется, и на этот раз весь его двор смеется вместе с ним.

Как же я их ненавижу.

– Ты хочешь, чтобы я поверил, что, когда я отпущу твою сестру, ты по собственной воле выполнишь мою просьбу?

– Ты думаешь, я поверю, что ты освободишь ее, если я стану тебе помогать?

Он кивает.

– Разумеется. У тебя нет другого выбора. Ты можешь только поверить мне на слово. Думаю, мы заключим сделку – контракт, если тебе так удобнее. Я отпущу твою сестру в обмен на твои услуги. Отправлю ее домой в целости и сохранности. Но только после того, как ты вернешь то, что украд золотой двор.

– Почему ты не можешь сделать это сам? Ты же всемогущий Повелитель Ночи.

Он ухмыляется, и я снова потрясена его зловещей красотой.

– Благодарю за комплимент, но я не оставлю свой трон и не стану мальчиком на побегушках.

Я киваю на стоящего рядом со мной стражника.

– Тогда пошли одного из твоих солдат.

– Это работа не для фейри, – он складывает пальцы и стучит ими друг о друга. – Сын королевы Арьи ищет себе невесту, невесту-человека. Думаю, ты придется принцу Ронану по вкусу.

– Но как принц связан с...

Взмахом руки он заставляет меня умолкнуть. В прямом смысле – я шевелю губами, но не могу произнести ни звука. Я хватаюсь за горло и смотрю на него со всей ненавистью, на которую только способна.

– Завтра, – продолжает король, – принц выберет двенадцать девушек, одна из которых в будущем станет его женой. Они останутся в Золотом дворце. Ты станешь претенденткой на роль его невесты и проникнешь во двор моего врага. Пока ты будешь бороться за руку молодого Ронана, тебе нужно будет вернуть кое-какие мои вещи, которые уже слишком долго находятся у королевы, – его губы снова растягиваются в улыбке. – Ты должна завоевать сердце молодого принца и его доверие. Так ты получишь доступ к магическим артефактам, которые были украдены из моего королевства. Ты должна принести мне все три артефакта, если хочешь вернуть сестру домой.

Внезапно магический кляп пропадает, и я кричу, прежде чем успеваю сдержаться.

– Ты с ума сошел. Я понятия не имею, как завоевать сердце фейри. И даже если бы я знала, как это сделать... – меня пробирает дрожь. При мысли о том, чтобы соблазнить фейри, мое сердце падает вниз. – Почему ты так уверен, что среди сотен жаждущих этой возможности он выберет именно меня?

Король смеется.

– Ты должна понять, человек, что в моем королевстве ничего не происходит случайно. Если ты явишься перед принцем, он сделает все возможное, чтобы ты была рядом с ним. Он предоставит тебе необходимый доступ.

– Я не смогу даже притвориться, что мне не безразличен фейри...
– Ты хочешь вернуть сестру или нет? – рявкает он. Улыбка исчезает с его губ, показывая его опасный нрав.

Я сглатываю.

– Откуда мне знать, что она у тебя? Откуда мне знать, что это не уловка?

Он достает из кармана крошечный розовый лоскуток ткани и бросает его передо мной.

– Это все, что я могу тебе показать.

Я сдерживаю слезы и хватаю обрывок рабочего халата Джас.

– Дай мне ее увидеть.

– Ты хочешь, чтобы я доверил самой талантливой воровке Элоры мою самую ценную вещь? О нет. Однако, – он складывает ладони и делает шаг вперед, – когда ты принесешь мне первый артефакт, я дам тебе увидеть сестру. Этот артефакт – волшебное зеркало. В нем ты сможешь увидеть все, что пожелаешь.

– И ты хочешь, чтобы я поверила какому-то зеркалу?

Он поднимает бровь, как бы говоря: «Ты хочешь, чтобы я поверил тебе?»

– Дай мне увидеть сестру, а потом мы обсудим твое задание.

Что, если сейчас он причиняет ей боль? Что, если она уже погибла? От этой мысли я начинаю закипать от ярости.

– Ты столько усилий приложил, чтобы я оказалась здесь. Меньшее, что ты можешь сделать, – отвести меня к сестре. Это не обсуждается.

– Ты считаешь, что можешь что-то обсуждать?

Я снова дергаю свои невидимые путы. Когда ничего не происходит, я плюю в него. Глаза Мордеуса вспыхивают, ноздри раздуваются. Он поднимает открытую ладонь и отправляет в мою сторону клубок тьмы.

Я отшатываюсь, но уже слишком поздно. Когда он ударяет в меня, я оказываюсь в ярко освещенной комнате. Здесь чувствуется слабый запах плесени и мочи. Я лежу на каменном полу. Тонкая ткань платья нисколько меня не согревает. Когда я поднимаюсь на ноги, мои зубы стучат от холода.

Где я?

Здесь нет ни окон, ни дверей. По крайней мере, я их не вижу. Только каменные стены, каменный пол и ослепляющий свет, который, кажется, исходит от потолка. Во дворе теней узников пытаются при помощи света?

Меня трясет – от холода и ярости, – и я обхожу комнату, ищу трещины в камнях, все что угодно. Но я не знаю, как отсюда выбраться.

Я обхватываю себя руками и прищуриваюсь, как будто пытаюсь рассмотреть наверху дверь люка. Наверное, это какая-то потайная темница, но я вижу только ослепляюще яркий свет.

– Эй? – кричу я, и мой голос эхом отдается от камней. – Здесь есть кто-нибудь?

Тишина.

– Я хочу поговорить с королем!

Тишина.

Я пинаю стену, и мою ногу пронзает боль.

– Выпустите меня отсюда!

Тишина.

Я смотрю на руки, желая, чтобы они исчезли в тени, как это было в замке, но здесь тени нет. Как нет темноты, в которой можно спрятаться.

Я соскальзываю по стене и обхватываю руками ноги. Я так устала. В последний раз я спала, еще когда была у Ник. Несколько часов забытья. А потом мне пришлось убежать от людей Горста. С тех пор как я прошла через портал, миновали ровно сутки.

Плакать я уже просто не могу, а остатки моих сил поглотила ярость. Путешествие очень меня утомило, но я отказываюсь верить, что застряла. Не может быть, чтобы я проделала весь этот путь напрасно.

Я кладу голову на колени и закрываю глаза. Я представляю, как моя сестра свернулась клубочком в комнате, очень похожей на эту, плачет, а потом засыпает. Я вспоминаю нежность в глазах Себастьяна, когда он подарил мне защитный амулет. Что он подумает, когда вернется в Фейрскейп, а меня там не будет?

* * *

Я нахожусь в двух местах одновременно, словно я – два разных человека. Я – спасительница, которая не смогла защитить сестру и сейчас спит, свернувшись калачиком у стены в подземной темнице Мордеуса. И я – восьмилетняя защитница, девочка, которая свернулась под одеялом с маленькой сестрой и пытается дать ей надежду, чтобы она не утонула в море печали.

Сны могут быть такими странными. Я знаю, что сплю, но не хочу просыпаться. Потому что в этом сне Джас рядом. А если она рядом, она в безопасности.

Мы наверху, в спальне, которую делили до смерти дяди Девлина. Она плачет, и я вытираю ей слезы. Сегодня она скучает по маме. Я тоже скучаю, но мое горе только усилит ее печаль, поэтому я запрещаю себе грустить и убираю каштановые волосы с ее лица.

– Я скучаю по ней, – всхлипывает Джас.

– Спорим, она тоже скучает по нам? – шепчу я. – Так сильно, что пытается придумать, как к нам попасть.

Я убираю волосы с ее лица и рассказываю ей историю о замках фейри и эльфийской королевской семье. Рассказываю и чувствую, что эта история очень важна, но я как будто наблюдаю за собой со стороны. Я не могу разобрать собственных слов. Они такие же нечеткие, как шепот из другой комнаты.

Джас сжимает мою руку, и я понимаю, что добралась до захватывающей части.

– И что же дальше? – спрашивает она.

– Жестокий король ждет того дня, когда принцесса теней придет в его замок, – я совсем забыла эту историю: мама рассказывала ее лишь однажды, перед тем как ушла в Фейриленд. – Лжекороль знал, что она может повелевать тенями, но не знал, что ее большое сердце и бесконечная любовь будут стоить ему трона.

Джасалин закрывает глаза, ее лицо расслабляется. Она засыпает. Не знаю, спит она или только засыпает, когда говорит:

– Принц поможет тебе меня найти.

Я моргаю – и на смену ей приходит темнота в изножье кровати.

Мужчина с серебристыми глазами, которого я видела на балу, то появляется, то исчезает, мерцая, как исчезающее драгоценное воспоминание.

– Кто рассказал тебе эту историю? – спрашивает он.

Он скорее бесплотен, чем реален.

Я сажусь и улыбаюсь ему. Странно, но его появление и слова сестры меня успокоили. Здесь, под пристальным взглядом этого незнакомого фейри, я чувствую себя в безопасности. Я чувствую себя не такой одинокой.

«Принц поможет тебе меня найти».

Я вылезаю из постели и укутываю Джас одеялом.

– Наша мать рассказывала нам много историй.

– Тогда почему ты чувствуешь себя такой беспомощной?

Неожиданно наша спальня превращается в холодную камеру в замке злого короля – без окон и дверей. И я вспоминаю.

Я узница. И это сон.

– Потому что так и есть.

В серебристых глазах вспыхивает что-то, похожее на ярость, а потом я понимаю, что я стою под бескрайним звездным небом, а луна утешительным маяком светит у меня над плечом.

Фейри с серебристыми глазами полностью материализуется передо мной, как будто звездный свет придает ему сил. Его темные кудри убраны с лица, он озадаченно морщит лоб.

– Ты бессильна, только если в это веришь, – усмехается он, оглядывая меня. В его глазах я вижу отражение света звезд. – У нас мало времени.

– Что?

– Он вас не отпустит – не освободит ни одну, ни вторую, – пока ты не согласишься. Я помогу тебе ее вернуть. Найди меня.

– Ты – Неблагодой. Что мне даст твоя помощь? Наверняка ты работаешь на него.

Его глаза вспыхивают.

– Нет. Клянусь моей магией, – он моргает и поворачивает голову. – Они идут.

Он исчезает, и темная ночь вокруг меня стирается слишком ярким светом.

– Проснись, Огонек, – за командой следует сухой смешок, и я открываю глаза.

В центре камеры стоит гоблин. Он улыбается, глядя на меня сверху вниз, его скрюченные пальцы тянутся к моим волосам, его выпученные глаза блестят от возбуждения. Но я все еще наполовину в своем мире грез и едва могу сосредоточиться на существе передо мной.

Почему мне приснился этот фейри?

Он казался таким реальным. Почему мне не приснилось, что совет дает Себастьян – или Джасалин? Хоть кто-то из тех, кого я знаю?

Гоблин протягивает руку, вытягивая меня из моих мыслей.

– Король считает, что сон мог заставить тебя пересмотреть свое решение. Сейчас мы пойдем к нему.

Я чувствую, что должна отказаться, но что это даст?

Я киваю и беру его костлявую руку. Когда мы появляемся в тронном зале, я все еще лежу, свернувшись на земле. В отличие от прошлой ночи, сейчас здесь нет никого, кроме Мордеуса. Он замер перед своим тронном, как будто до этого ходил по залу. Несмотря на то что через окна и стеклянный купол в зал льется утренний свет, помещение, кажется, стало еще больше и холоднее.

– Смертная пересмотрела наше предложение? – спрашивает король Мордеус своего гоблина. Взгляд его суров. Этот правитель не терпит отказов.

Живот болит, но я заставляю себя глубоко дышать. Я не доверяю фейри – и в особенности не доверяю этому фейри, – но я доверяю своим снам.

«Клянусь своей магией».

Мама говорила, что фейри не могут нарушить обещания, если поклянутся своей силой. Ведь так? Я должна верить, что эта информация поднялась из глубин моего подсознания не случайно.

Я встаю с пола – и чувствую, что меня снова сковали невидимые цепи. Мне приходится прикусить губу, чтобы не зарычать.

– Пересмотрела.

«Притвориться, что я хочу выйти замуж за принца, чтобы проникнуть в замок, украсть несколько магических артефактов фейри и освободить сестру. Я справлюсь».

– Если я найду эти три артефакта и верну их... – я колеблюсь. Я не хочу давать мужчине, который считает, что девушки-люди – всего лишь товар, никаких обещаний, и инстинкт заставляет меня переформулировать условия. – Если я верну эти артефакты в Неблагодой двор, ты вернешь мою сестру в выбранное мной место в человеческом мире в целостности и сохранности. Таковы мои условия.

Его серебристые глаза светятся. Он знает, что победил.

– Даю слово, Огонек.

– Поклянись своей силой.

Он вздрагивает, и его черты на мгновение застывают, но потом на его лице снова появляется дружелюбная маска.

– Кто сказал тебе об этом?

Я пожимаю плечами.

– Об этом все знают, – вру я. – К сожалению, иначе я тебе не поверю.

– Я согласен. Но с одной оговоркой. Если ты расскажешь об этой сделке кому-нибудь из Благого двора, она будет не действительна и я отдам твою сестру моим гоблинам в качестве подарка на солнцестояние. Ты поняла?

Кому я скажу? Единственная душа, которой я доверяю в этом мире, – Джасалин.

– Поняла.

Он улыбается.

– Тогда договорились. Как только три артефакта будут возвращены ко двору, где им и положено быть, я отправлю твою сестру – в целости и сохранности – в королевство людей, туда, куда ты скажешь.

– Живой, – огрызаюсь я. Мне кажется, что можно было бы сказать и «в целости и сохранности», но лучше не оставлять ему лазеек.

– Живой. Клянусь своей силой, – он щелкает пальцами, и в его руке появляется серебряное зеркало. – Это точная копия Зеркала открытий. Когда найдешь его, замени его на этот предмет, чтобы королева не поняла, что оно пропало.

– А что будет, если она поймет, что это подделка?

Он качает головой.

– Разницу сможет заметить только тот, в ком течет Неблагая кровь.

– Где найти это зеркало?

– Я знаю только, что Арья спрятала его в Благом дворе. Возможно, тебе придется приложить кое-какие усилия, но для того, кто нашел ее портал, это не должно быть проблемой, – он ухмыляется и протягивает мне зеркало. – Можешь встать.

Я пробую пошевелиться и обнаруживаю, что невидимых пут больше нет. Поднявшись на ноги, я понимаю, что все еще сжимаю в руке обрывок халата Джас. Стараясь не дрожать, я беру зеркало в другую руку.

– Как только я его найду, мне нужно будет снова пройти через портал?

– Портал был... выведен из строя, – гоблин смеется, и Мордеус ухмыляется ему. – Когда придет время, мой гоблин заберет тебя вместе с зеркалом.

Мне не нравится, что меня выставили на посмешище, но прошлой ночью я позволила своей гордости взять верх и потеряла время – а могла бы уже искать зеркало. Если в конце концов я смогу забрать сестру домой, пусть надо мной смеются сколько угодно.

– А какие другие артефакты?

– Одна задача зараз, девочка моя. Я назову тебе второй предмет, когда ты принесешь мне первый.

Он хлопает в ладоши, и вокруг меня появляются три эльфийские феи. У них такая же бледная кожа, как у короля, но короткие светло-голубые волосы.

– Оденьте Абриеллу для Благого двора. Сделайте так, чтобы она выглядела как их будущая королева, а затем верните ее в Золотой дворец.

Три женщины склоняют головы.

– Да, ваше величество, – хором говорят они.

Одна из них берет меня за руку, и я следую за ними к двери в дальнем конце комнаты.

– Абриелла, – произносит король. Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему, встречаясь с ним взглядом. – Когда встретишь принца Ронана, помни: он тебе нужен. Удержи его доверие, иначе ты не сможешь проникнуть в его двор.

– Я понимаю свою миссию.

Он растопыривает пальцы. Между ними, словно чернильная клякса, кровоточит шар тьмы.

– Все будет хорошо, если ты не будешь забывать, что поставлено на карту.

Шар тьмы перемещается, но превращается не в тьму. В нем я вижу, как мы с Джасалин сидим на полу у мадам Ви. Она улыбается, и, увидев ее улыбку, я шагаю к шару, позабыв о том, в чьей он руке.

– Или лучше сказать... кто, – добавляет король.

Глава 7

– Должен быть другой способ, – говорю я. Гоблин стоит у моей двери, и я отступаю от него на шаг. После того как мне дали возможность помыться, а королевские служанки раздели меня как куклу, король Мордеус послал гоблина перенести меня во дворец королевы. Я не слишком доверяю существу, которое дважды вытирало слюни со рта с тех пор, как я попала в его поле зрения.

– Портал, ведущий в земли Благого двора, которым пользовался брат короля Мордеуса, Оберон, давно уже уничтожен, – говорит одна из служанок.

– Можно ли доехать на карете? Или на лошади?

Служанки обмениваются удивленными взглядами.

– Даже на самом быстром нашем скакуне это путешествие займет неделю, миледи.

Поначалу каждый раз, когда они называли меня «миледи», я старалась не фыркать. Уж в этом меня точно еще не обвиняли. А после того, как они суетились вокруг меня на протяжении нескольких часов, обращение стало безумно меня раздражать.

Гоблин короля Мордеуса ворчит себе под нос, потом снова протягивает руку. Я берусь за нее. Гоблины не просто могут свободно перемещаться между королевствами и внутри их. Они могут делать это мгновенно. Просто решают, где хотят быть, и появляются там. Это – как и их знания – их величайшая сила. Мой взгляд падает на браслет на запястье. Пока феири меня мыли, я поняла, что Баккен мне не соврал. Браслет могу видеть только я. Мне хочется его использовать. Мне хочется, чтобы меня перенес Баккен, а не этот незнакомый гоблин. Но я не хочу тратить попусту ни единой нити – как и ни единой пряди своих волос. Я должна соблазнить принца, а мои длинные рыжие волосы – самая выгодная черта моей внешности.

Я делаю глубокий вдох и шагаю вперед.

– Хорошо.

Гоблин берет меня за руку. У него сморщенная кожа, но, прежде чем я успеваю сосредоточиться на этом, мир растворяется. Это не похоже на ощущение, которое я испытала, когда меня перенесли к королю из камеры. Это похоже на движение вниз, вверх и наружу одновременно – затем я резко останавливаюсь, моя голова откидывается назад. Меня окружают ряды аккуратно ухоженных клумб, а в вечернем свете поблескивает замок золотой королевы.

– Я оставлю тебя здесь, – говорит гоблин, отпуская мою руку.

Я поворачиваюсь, чтобы спросить, как мне вызвать его после того, как я найду зеркало, но он уже исчез.

В замке так же шумно, как и вчера; за воротами и на дворцовой территории толпятся люди и феири всех мастей. Я провожу пальцами над висящим под лифом платья амулетом и направляюсь к пешеходному мосту. Служанки, одевавшие меня, спрашивали об амулете и предлагали обменять его на жемчуг, но я отказалась. Не знаю, работает ли магия Себастьяна в этом королевстве, но даже если нет, меня успокаивает ощущение висящего на моей груди холодного кристалла.

«Себастьян».

У меня сдавливают грудь. На мгновение я погружаюсь в жалость к себе. Я закрываю глаза и вспоминаю его поцелуй, его глаза цвета морской волны. Трудно поверить, что всего несколько дней назад самыми большими проблемами в моей жизни был мой долг перед мадам Ви и тайные чувства к ученику мага.

Не знаю, увижу ли я когда-нибудь Себастьяна снова, но если мы встретимся, надеюсь, он простит меня за все, что мне придется сделать, чтобы заслужить доверие принца Ронана.

– Бри? Это ты?

Я поворачиваюсь на знакомый голос и вижу, как Себастьян шагает ко мне так, как будто его призывают только мои мысли. Мои ноги подкашиваются от облегчения при виде его прекрасного лица. Он одет в темно-коричневые кожаные штаны и жилет, у него на спине ножны с длинным мечом. Как будто это просто еще один день в Фейрскейпе и он готовится тренироваться во дворе мага Трифена. Но потом я замечаю его заостренные уши, сияющую кожу и более резкие черты лица. Он очень похож на благородных фейри, которых я видела вчера ночью на балу.

Должно быть, маг Трифен дал ему зелье – я и сама хотела попросить его об этом. Но потом я поняла, что не смогу себе этого позволить и не успею украсть необходимую сумму.

– Баш, – шепчу я.

Он притягивает меня к себе. Мне так хорошо в его объятиях – я думала, что никогда больше этого не почувствую.

– Это и правда ты.

Когда я отстраняюсь, чтобы рассмотреть его, я вижу на его безупречно красивом лице сочетание благоговения и разочарования.

– Никогда бы не поверила, что ты можешь сойти за фейри, – говорю я, проводя кончиками пальцев по его красивым скулам. – Твои чары безупречны. Если бы я не была с тобой знакома, я бы даже не подумала, что твое место не в этом мире.

При этих словах он вздрагивает и сглатывает.

– Когда я услышал, что тебя ищут люди Горста, я пошел к Ник. Она сказала, что ты ушла. Не сказала, куда именно, но это было и не нужно. Я знал, что ты пойдешь за Джас, – он снова притягивает меня к себе и тяжело выдыхает. – Я обыскал весь Благой двор. Черт побери, Бри, где ты была? Я нигде не мог тебя найти.

Я вытаскиваю из-под платья амулет и показываю его ему.

– Со мной все в порядке. Видишь?

Он водит своими большими руками вверх и вниз по моим рукам и осматривает каждый дюйм моего тела. Служанки Неблагого короля заплели мне волосы в косы и собрали в пучок на макушке, а потом одели меня в желтое атласное платье без рукавов и с вырезом в форме сердечка. Ткань обтягивает мою фигуру, расширяется от бедер и струится за мной шлейфом. На ногах у меня желтые туфельки. Когда мне дали посмотреть в зеркало, я подумала, что похожа на гигантский тюльпан. Служанки уверяли, что принц найдет меня неотразимой, и у меня не было причин не доверять им.

Но, может быть, не только принц Ронан питает слабость к тюльпанам. Себастьян молчит, но всматривается в мое лицо так, будто пытается убедить себя, что со мной все в порядке.

– Ты выглядишь... – он кладет руку на затылок и улыбается мне своей мальчишеской улыбкой. – Скажем так, я представить не могу, как тебе удалось остаться незамеченной.

Я сглатываю, но не могу не покраснеть от комплимента.

– Но ведь вышло.

– Я так волновался.

– Со мной все хорошо.

Мне очень хочется обо всем ему рассказать, но что там король говорил о нашей сделке? Мне нельзя рассказывать о ней только Благим? Или вообще никому? Кажется, только Благим, но что будет, если наш разговор с Себастьяном кто-то подслушает?

– Не нужно было тебе меня искать. Как же твое ученичество?

Он изучает мое лицо и проводит большим пальцем мне по подбородку.

– Важнее тебя для меня ничего нет.

Я прижимаюсь щекой к его груди и крепко обнимаю. И пусть так я выгляжу слабой, я благодарна, что он здесь. Потому что устала. Потому что мне страшно.

Потому что мне стыдно.

Мне стыдно, что отчасти мне хочется вернуться домой, что я хочу покинуть это место и этих ужасных существ. Стыдно, что я не хочу спасать сестру.

Но в одном король был прав. Я – отличная воровка. Могу украсть все, что угодно. Но смогу ли я украсть сердце принца фейри? Я ведь даже не знаю, с чего начать.

Я понимаю, что мне повезло, что король не попросил у меня чего-то еще похуже, но вместо этого мне кажется, что я обречена на неудачу. Я бы предпочла отправиться далеко в дикие земли Неблагого двора и сражаться там с ужасными монстрами, чтобы украсть волшебные сокровища. Это я бы сделала с куда большей уверенностью. Но то, что ему от меня нужно? Притворяться, что я хочу быть невестой фейри, и ради этой чести обойти других девушек? Даже несмотря на то, что сейчас на мне невероятно красивое платье, я не знаю, как это сделать.

Себастьян делает шаг назад и касается моего подбородка своей большой рукой.

– Расскажи, где ты была.

Я качаю головой. Я не могу рассказать ему про короля. Мне нельзя так рисковать.

– Я искала Джас. Поиски привели меня... за пределы земель королевы.

Он закрывает глаза и качает головой.

– Мой амулет не сможет защитить тебя от самых ужасных ужасов двора теней. Ты даже не представляешь, насколько там опасно. Если бы тебя увидел кто-то из Неблагих, тебя бы поймали. Заставили бы заключить узы. Сделали бы рабыней. Или еще хуже.

Мне очень не нравится, что мое решение причиняет ему боль. Как ему объяснить? Если кто и знает, как сильно я люблю Джас, так это Себастьян.

– Я не вернусь домой, пока не найду ее. Но ты должен. Это не твоя битва, Баш.

Он оглядывает пышные сады вокруг нас и ругается сквозь зубы.

– Мне нужно больше времени, – говорит он. И мне кажется, что эти слова обращены скорее к нему, чем ко мне.

Я положила ладонь ему на руку, слишком хорошо осознавая силу и тепло под моими пальцами.

– Для чего?

– Для того чтобы сделать то, что я должен был сделать еще много месяцев назад, – сглаживает он. – Пойдем со мной?

Я долго смотрю на замок. Мне нужно войти туда и представиться как претендентка на руку принца, пока он не успел выбрать двенадцать девушек.

– Всего на несколько минут, – говорит Себастьян. Он заправляет мне за ухо выбившийся локон. – Можно?

И мое ледяное сердце тает от его улыбки. Я не могу ему отказать – хотя сейчас это так просто.

Он поворачивается и срывает цветок оранжевого лилейника. Он расцветает у него на ладони, и у меня перехватывает дыхание.

– Никогда не видела, чтобы ты так делал.

– Моя мама любит лилейники. Когда я приезжал домой, мой лучший друг шутил надо мной, потому что я постоянно ими люблюсь. Он знал, что они напоминают мне о твоих волосах. Но, по правде говоря, они не идут ни в какое сравнение.

Он вставляет цветок мне в волосы, и я позволяю себе на секунду закрыть глаза. От ощущения его шершавых пальцев на моей коже у меня по телу бегут мурашки. Как я могу быть такой жадной до его прикосновений, этих долгих взглядов и нежных слов, когда Джас нужна моя помощь?

– Ты никогда не рассказывал о своей семье, – я качаю головой. – Нужно было больше этим интересоваться.

– Но я не позволял тебе задавать вопросы, – он в последний раз поправляет цветок и опускает руку. – Я рос во власти и привилегиях. И не всегда мог поверить, что на самом деле окружающим на меня не плевать.

Это меня удивляет. Конечно, не каждому может повезти стать учеником мага, но любая семья, обладающая значительной властью, посчитала бы, что это ниже ее достоинства.

– А что за власть?

– Правящая власть. И от меня ждут, что я ее унаследую.

Он берет меня за руку и изучает мои пальцы в своей ладони. Чары, возможно, и заострили некоторые черты его лица, но мозоли на его руках остались такими же.

– И скоро мне придется это сделать.

Я хмурюсь и сжимаю его ладонь.

– Тогда почему ты пошел в ученики мага?

– Эти навыки полезны, и... честно говоря, мне нужно было побыть вдали отсюда.

И тут я все понимаю.

– На самом деле ты уехал не для того, чтобы продолжать свое ученичество, да? Ты уехал домой.

Он кивает и изучает мое лицо.

– Я хотел забрать тебя с собой. Но я знаю, что тебе не нужна та жизнь, которую я могу тебе предложить – и не стал просить тебя об этом.

– Почему ты так говоришь?

Он считает, что я настолько привередлива? Или знает, что я бы никогда не оставила Джас и не думала, что он сможет взять нас обеих?

Он шумно выдыхает.

– Я до сих пор не могу поверить, что она ее продала.

Я снова кладу щеку ему на грудь, наслаждаясь ощущением его тепла и силы. Может быть, Себастьян не может спасти Джас или избавить меня от моего задания, но в его объятиях есть что-то успокаивающее. Мне хочется верить, что я могу переложить в его умелые руки часть своих проблем и что он сможет все исправить.

– Это не твоя вина.

– Нет, это моя вина: я никогда не говорил тебе о моих чувствах. А сейчас, боюсь, уже слишком поздно.

Он смотрит в сторону, я следую за его взглядом и вижу, как из замка маршируют одетые в серое и желтое гвардейцы.

«В желтое, – понимаю я, – как мое платье».

Желтый – один из цветов королевы.

Я снова смотрю на Себастьяна и замечаю, что он не сводит глаз с моих губ.

Я поднимаю руку и кладу ее ему под подбородок. Медленно – почти болезненно медленно – он опускает голову и касается моих губ своими. Его губы мягкие, но я провожу рукой по его волосам, и поцелуй становится ищущим. Время неожиданно останавливается. Солнце застывает на горизонте, птицы замолкают, замирает ветерок, колышущий цветы. На свете есть только я, он и наш поцелуй, и мое сердце болит, когда я пытаюсь запомнить каждую секунду этого идеального момента. Возможно, это последний наш поцелуй.

Как я могу влюбиться в себя другого, если всегда любила этого мужчину?

Когда он отстраняется, мои колени слабеют. Я слишком медленно возвращаюсь в этот мир.

– Пожалуйста, прости меня, – шепчет он.

– Тебе не за что извиняться, – я почти улыбаюсь. – Это ведь я тебя поцеловала.

– Его королевское высочество принц Ронан нужен в тронном зале, – говорит стражник.

Он был слишком близко от нас.

Я резко отворачиваюсь и оглядываю сад. Принц где-то поблизости? Видел ли он, как я целовалась с Себастьяном? Если так, то как он вообще поверит, что мне нужен он?

«Это глупо и безрассудно, Бри. Соберись».

Но в саду никого нет, кроме Себастьяна, стражников и меня. Стражники выжидающе смотрят на Себастьяна, а Себастьян смотрит на меня.

– Сэр, прошу прощения, – говорит один из солдат гарнизона королевы, – но пора идти. Вас ждут. Отбор должен был начаться несколько часов назад.

– Скажите моей матери, что я скоро подойду, – его голос резок, в нем чувствуется напряжение, а мой затуманенный мозг пытается осознать смысл его слов.

Страж неловко переминается с ноги на ногу и смотрит на своих товарищей-гвардейцев.

– Ваше высочество...

Себастьян стискивает зубы.

– Оставьте нас.

Я смутно слышу звук шагов, удаляющихся по мощеной дорожке сада, но не могу отвести глаз от своего друга. Я моргаю.

– Твоя мать?

Принц Ронан. Они называли его «принц Ронан». И «ваше высочество».

– Баш, я не понимаю. Что это за чары? Почему они думают, что ты принц?

Он берет меня за руку и нежно сжимает кончики пальцев.

– Потому что я и есть принц.

Я делаю шаг назад и выдергиваю руку из его пальцев.

– Это не смешно.

– Бри, послушай. Я не знал, как тебе сказать. Я ведь знал, как ты относишься к таким, как я.

– Нет, – я отчаянно мотаю головой. – Нет. Ты нормальный человек. Не может быть, чтобы ты...

– Пожалуйста, дай мне объяснить...

Я попятилась, даже не осознавая этого, и оказалась в тени ивы.

– Бри?

Он вполголоса бормочет ругательство и крутится на месте.

– Абриелла? Прошу...

Я смотрю на свои руки, но не вижу их. Каким-то образом я снова стала невидимой – стала тенью. Как тогда.

И я не думаю. Я просто бегу. Через сады, за ворота замка, в густой туман. Мои легкие горят, ноги болят, но я не останавливаюсь – ни сейчас, когда пейзаж меняется с невозможного совершенства дворцовой территории на нечто, похожее на руины, ни потом, когда мои руки и ноги снова становятся видимыми – какая бы магия ни заставляла их исчезать. Я бегу, пока туман не становится плотным, как грозовая туча, а солнце не опускается так низко, что последние лучи света едва касаются горизонта.

Я прислоняюсь к разбитой мраморной колонне и опускаюсь на землю. Я даже не осознаю, что плачу, пока мои щеки не становятся влажными, а дыхание прерывистым.

«Он обманул меня. Он выдавал себя за того, кем на самом деле не является».

Я была готова обокрасть избалованного принца. Я бы не задумываясь обманула фейри, чтобы спасти свою сестру. И ни капельки бы не беспокоилась о своем сердце. Но принц Ронан – не просто фейри. Он Себастьян, и я не знаю, как мне притвориться, что я могу его простить – а уж тем более притвориться, что хочу выйти за него замуж.

«Когда встретишь принца Ронана, помни: он тебе нужен. Удержи его доверие, иначе ты не сможешь проникнуть в его двор».

Я вспоминаю, что король Мордеус сказал мне сегодня утром. Он не велел мне завоевать доверие принца. Он велел удержать его. И вчера он сказал, что в Фейриленде ничего не происходит случайно. Вот почему он хотел, чтобы я выполнила это задание. Он знает. Каким-то образом король Мордеус знает о моих отношениях с Себастьяном. Именно поэтому он использует меня.

Не знаю, что расстраивает меня больше – мысль о том, что мне придется скрывать свою боль и притворяться, что я могу простить Себастьяна за его ложь, или то, что, если я поступлю с ним так, я могу сломаться – и никогда уже не буду прежней.

Но разве у меня есть выбор? Я убежала, потому что запаниковала. Если бы я была в здравом уме, я осталась бы с принцем – извлекла бы пользу из наших отношений. Чтобы спасти Джас, я готова на все. Ради нее я пожертвую своей гордостью. Своим сердцем. Своей жизнью.

Я должна вернуться. Должна убедить Себастьяна, что он все еще мне нужен. Я встаю с земли, вытираю слезы и разворачиваюсь. Мне нужно вернуться обратно во дворец.

Но, когда я начинаю осторожно идти по мелким камням, из тумана появляется фигура в плаще с капюшоном. Я напрягаюсь, но замечаю знакомые темные глаза, чувствую прилив облегчения и устало опускаю плечи.

Я знаю, кто это.

Позади нее появляется еще одна фигура – высокая и угрожающая, со злобно горящими красными глазами. Она смотрит на меня из-под капюшона. Я открываю рот, хочу предупредить... но не успеваю издать ни звука.

Неожиданно я чувствую непреодолимое желание спать и падаю на землю.

Глава 8

Проснувшись, я обнаруживаю, что свисаю с чьего-то плеча как мешок с зерном. Я паникую, сдерживаю крик и заставляю себя сделать три глубоких вдоха, чтобы унять бешено колотящееся сердце.

Соображай, Бри.

Я почти уверена, что моя голова перестала работать еще тогда, когда я убежала из опасных земель королевы Благого двора без плана и без оружия.

И вот меня поймали.

Судя по мускулистым рукам на моей юбке и росту похитителя, меня несет мужчина. Но женщине, которую я видела перед тем, как рухнуть, я могла доверять.

– Открой дверь, – ворчит мужчина. – Она вот-вот очнется.

– Вот скотина, – раздается впереди мелодичный голос. Это Прета, красивая женщина, которая помогла мне попасть в замок королевы. Я знаю, что это она, но она не похожа на женщину, с которой я стояла в очереди. У нее такие же красивые карие глаза и темные волосы, но также и заостренные уши и то неземное сияние, которое, кажется, есть у всех благородных фейри. – Зря ты ее вырубил, – говорит она.

– Я не знаю, что делать со смертными, когда они впадают в истерику, – говорит мужчина, поудобнее перехватывая меня на плече.

Дверь открывается, из помещения доносится громкая музыка. Я осторожно осматриваюсь, стараясь держаться расслабленно, чтобы мой похититель не понял, что я уже очнулась. Эта таверна – за исключением посетителей – ничем не отличается от заведения Горста в Фейрскейпе. Здесь пахнет несвежим пивом, а от шума у меня почти сразу же начинают болеть уши. Повсюду танцуют разномастные пары. Гибкая спрайт с полупрозрачными крыльями и каким-то обрывком ткани вместо платья позволяет троллю засунуть золотую монету себе между грудей. Молодой эльф в кожаном костюме для верховой езды гладит ирокез своего партнера по танцу. Мужчины и женщины танцуют на стойках, вращаясь вокруг шестов под одобрительный гул толпы. Огненная фейри в обтягивающем черном костюме из кожи и с огромным бюстом прислоняется к стене слева от меня и щиплет Прету за задницу, когда та проходит мимо.

Прета шлепком убирает ее руку.

– Я работаю, – кричит она.

Мужчина, который несет меня на плече, усмехнулся.

– А может, оно того стоит, Прета? – говорит он. – А если ты считаешь, что нет, можешь уступить ее мне. Ты ведь знаешь, какие слухи ходят об огненных фейри.

– Какая же ты свинья, Кейн, – кричит Прета.

Она идет через толпу танцующих тел, а потом внезапно разворачивается и замечает, что я наблюдаю за ней из-под руки Кейна.

– Вот наша девочка и очнулась.

Да, это та же женщина, которая предложила мне свою дружбу. Но все же она другая. И дело не только в ушах: у нее на лбу вытатуирована серебряная паутина, похожая на трещины разбитого зеркала.

Не имея больше причин притворяться, я извиваюсь в объятиях гигантского мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.